

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция
(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Проблемы применения домашнего ареста как альтернативы заключения под стражу»

Обучающийся

Д.Д. Акрамова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Ю.О. Мещерякова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Цель исследования состоит в комплексном анализе особенностей применения домашнего ареста в отношении лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении уголовно-наказуемых деяний, в выявлении проблемных аспектов применения данной меры пресечения, и выработке рекомендаций, нацеленных на их устранение

Методологической основой работы стал диалектический метод познания, а также иные общенаучные и частные научные методы. Например, логический, историко-правовой, статистический, сравнительно-правовой, формально-юридический, информационно-аналитический, правового моделирования, системно-структурный и другие.

Теоретическая значимость работы очевидна, поскольку сделанные в ней выводы существенно пополняют уголовно-процессуальную доктрину, касающуюся мер пресечения, а в частности, домашнего ареста. Предложено понятие данной меры, периодизация ее развития в отечественном уголовном процессе и другие. Эти положения могут быть использованы иными авторами в целях написания диссертационных и монографических работ.

Практическая значимость связана с тем, что ряд сделанных предложений могут использовать сотрудники правоохранительных органов при использовании такой меры пресечения, как домашний арест. В работе имеется ряд предложений по дополнению и изменению норм уголовно-процессуального закона, которые, в случае их использования законодателем, во многом упростят применение домашнего ареста и будут способствовать увеличению его доли среди иных мер пресечения. Выводы автора могут быть использованы при составлении лекций и преподавании таких дисциплин, как «Уголовный процесс», «Правоохранительные органы».

Структура работы обусловлена ее целями и задачами. Она состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения, и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общая характеристика домашнего ареста, как меры пресечения в уголовном процессе	7
1.1 Понятие, сущность и правовая природа домашнего ареста	7
1.2 Эволюция домашнего ареста в отечественном законодательстве .	16
1.3 Основания применения домашнего ареста	25
Глава 2 Практические аспекты применения домашнего ареста как альтернативы заключения под стражу	35
2.1 Условия и порядок применения домашнего ареста.....	35
2.2 Практика применения домашнего ареста.....	46
2.3 Проблемы правового регулирования применения домашнего ареста	53
Заключение	65
Список используемой литературы и используемых источников	70

Введение

Задачи обеспечения прав и свобод личности особо актуальны в сфере уголовного процесса, поскольку именно там они могут существенно ограничиваться, в частности, посредством использования мер пресечения в отношении лиц, чья виновность в совершении преступления должным образом еще не доказана.

Среди комплекса мер пресечения важная роль отведена домашнему аресту, впервые получившему официальную регламентацию два столетия назад. Эта мера пресечения прошла большой путь эволюции и стала рассматриваться в качестве меры, альтернативной заключению под стражу. В то же время анализ практики свидетельствует, что доля домашних арестов в системе иных мер пресечения и к 2024 году не смогла достичь и 20%, что связано со значительными трудностями ее применения. Проблемы не решила политика гуманизации, введенная в отношении некоторых видов уголовно-наказуемых деяний и категорий граждан.

Стремясь расширить круг мер, альтернативных заключению под стражу, законодатель ввел такую, как запрет определенных действий, которая в некоторой степени схожа с домашним арестом. Предполагалось, что это будет иметь положительный эффект. Однако, правоприменитель столкнулся с массой проблем правового и организационного характера.

Что касается домашнего ареста, то в среде теоретиков сохраняют актуальность вопросы оснований его избрания и специфики применения.

Порядок изменения режима домашнего ареста, его отмены, продления и прочие вопросы до сих пор не урегулированы законодателем, а также не находят единого подхода среди теоретиков, а, соответственно, тема настоящего исследования является достаточно актуальной.

Отдельные аспекты применения домашнего ареста в уголовном процессе, в последние десятилетия в рамках диссертационных исследований рассматривались: Ю.Г. Овчинниковым, Г.С. Русман, Е.В. Салтыковым,

А.Е. Григорьевой, В.А. Светочевым, Д.А. Долгушиным, В.В. Климовым, С.В. Колосковой, Ю.Ю. Ахминовой, И.М. Горбатых.

Однако, их исследований недостаточно, поскольку множество проблем остались неразрешенными. Кроме того, в последние годы в процессуальные нормы о мерах пресечения вновь внесены изменения, а, соответственно, новые исследования необходимо проводить с их учетом.

Объектом дипломной работы послужили общественные отношения, имеющие место в уголовном судопроизводстве при назначении подозреваемым и обвиняемым такой меры пресечения, как домашний арест.

Предметом дипломной работы стали нормы ранее действующего и современного уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие отношения, возникающие при помещении подозреваемых и обвиняемых под домашний арест.

Цель исследования состоит в комплексном анализе особенностей применения домашнего ареста в отношении лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении уголовно-наказуемых деяний, в выявлении проблемных аспектов применения данной меры пресечения, и выработке рекомендаций, нацеленных на их устранение

Исходя из цели, в работе определен ряд первоочередных задач: определить понятие, сущность и правовую природу домашнего ареста; рассмотреть эволюцию домашнего ареста в отечественном законодательстве; установить основания применения домашнего ареста; выявить условия и порядок применения домашнего ареста; провести анализ практики применения домашнего ареста; указать проблемы правового регулирования применения домашнего ареста и пути их решения.

Методологической основой работы стал диалектический метод познания, а также иные общенаучные и частные научные методы. Например, логический, историко-правовой, статистический, сравнительно-правовой, формально-юридический, информационно-аналитический, правового моделирования, системно-структурный и другие.

Теоретической основой работы стали труды следующих авторов: Ахминова Ю.Ю., Вершинина С.И., Виленский Б.В., Горбатов И.М., Есипов Д.И., Иванова О.Г., Колоскова С.В., Кутуев Э.К., Люблинский П.И., Овчинников Ю.Г., Поваркова Е.А., Ратникова Н.Д. [31], Светочев В.А., Симагина Н.А., Токарева Е.В., Тутынин И.Б., Фирсов В.Г., Химичева О.В.

Научная новизна обусловлена тем, что в ней содержатся новые положения, касающиеся дефиниции домашнего ареста, его сущности, особых условий применения. Кроме того, проанализированы наиболее актуальные практические проблемы последних лет, и исходя из них предложены направления для совершенствования уголовно-процессуального закона.

Теоретическая значимость работы очевидна, поскольку сделанные в ней выводы существенно пополняют уголовно-процессуальную доктрину, касающуюся мер пресечения, а в частности, домашнего ареста. Предложено понятие данной меры, периодизация ее развития в отечественном уголовном процессе и другие. Эти положения могут быть использованы иными авторами в целях написания диссертационных и монографических работ.

Практическая значимость связана с тем, что ряд сделанных предложений могут использовать сотрудники правоохранительных органов при использовании такой меры пресечения, как домашний арест. В работе имеется ряд предложений по дополнению и изменению норм уголовно-процессуального закона, которые, в случае их использования законодателем, во многом упростят применение домашнего ареста и будут способствовать увеличению его доли среди иных мер пресечения. Выводы автора могут быть использованы при составлении лекций и преподавании таких дисциплин, как «Уголовный процесс», «Правоохранительные органы». Структура работы обусловлена ее целями и задачами. Она состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения, и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общая характеристика домашнего ареста, как меры пресечения в уголовном процессе

1.1 Понятие, сущность и правовая природа домашнего ареста

Тот факт, что домашний арест оказался введен в комплекс мер пресечения в качестве альтернативы заключению под стражу, служит непосредственным свидетельством гуманизации политики в уголовно-правовой сфере, однако, нормативная база его использования в настоящее время не вполне совершенна, что порождает различные проблемы на практике правоприменения [27, с. 80].

Как следует из ч. 1 ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее - УПК РФ), «домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение» [42].

Отдельного понятия домашнего ареста в законодательстве не закреплено, в связи с чем на базе признаков рассматриваемой меры пресечения, в доктрине формулируются подходы к ее дефиниции. В соответствии с одним из них, домашний арест является мерой процессуального принуждения, чье применение устанавливается в судебном порядке, используемую в отношении обвиняемых (подозреваемых) при рассмотрении дел о посягательствах, наказание за которые может составлять более двух лет лишения свободы, суть которой состоит в значительном ограничении территориальной свободы указанных лиц, а также наложении

запретов на контакты с конкретными субъектами, на переговоры и обмен корреспонденцией [24, с. 10].

Представляется, что в целях выявления главных признаков и раскрытия содержания последних, необходимо проанализировать домашний арест исходя из составляющих его понятий «домашний» и «арест». Это поможет выявить смысл, заложенный в него законодателем, правоприменителем и теоретиками.

Так, однозначно говорить о месте исполнения домашнего ареста не приходится, поскольку в рамках правовых актов и судебных решениях оно раскрывается различно. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 107 УПК РФ, при применении домашнего ареста, местом нахождения подозреваемого (обвиняемого) служит жилое помещение. Однако, в ст. 5 УПК РФ не содержится такого понятия, а предусмотрено иное - «жилище». Как можно увидеть при анализе данной нормы, «жилище» является более широкой категорией. Также следует упомянуть Постановление Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 41, где также в п. 37 и 38 упоминаются «жилые помещения», но состав охватываемых данной категорией объектов не соответствует тому, что приведен в ст. 107 УПК РФ [28]. Полагаем, что это может способствовать возникновению проблем на практике, в связи чем необходимо используемую терминологию сделать единообразной в процессуальных целях.

Как вытекает из УПК РФ, местом исполнения рассматриваемой меры пресечения, применяемой в отношении подозреваемого (обвиняемого), может послужить и его место жительства, и место пребывания, включая медицинское учреждение. Представляется, что не будет идти вразрез с нормативными предписаниями в т. ч. предоставление подозреваемому жилого помещения третьими лицами, поскольку как свидетельствует практика, соблюдать режим домашнего ареста бывает затруднительно, когда в помещении, помимо обвиняемого, проживают и другие граждане (родственники).

Исходя из этого считаем возможным в ч. 1 ст. 107 УПК РФ предусмотреть норму о том, что в случае наличия оснований, в целях

помещения обвиняемого (подозреваемого) под домашний арест, в качестве места его исполнения может выступать специально представленное иным субъектом жилое помещение.

Что касается «ареста», то посредством этого термина в уголовном процессе довольно долгий период раскрывались такие категории, как «заключение под стражу», «предварительное заключение», «принудительное» и «временное задержание» [36, с. 74]. Стоит согласиться с выводами теоретиков, что посредством использования рассматриваемой меры пресечения подлежит ограничению личная свобода подозреваемого (обвиняемого). Хотя домашний арест и позволяет таким лицам, виновность которых еще должным образом не доказана, быть в надлежащих домашних условиях, но вполне очевидно, что в этом случае присутствует, во-первых, изоляция от социума, и во-вторых, действующие запреты, предусмотренные в судебном порядке [35, с. 24]. Полагаем, что анализ данных критериев соответствующей меры пресечения, существенен и для восприятия ее сущности, и для формулировки ее дефиниции.

Принимая во внимание признаки, посредством которых можно установить базовые свойства домашнего ареста, можно вывести его определение. «Под ним понимается мера пресечения, избираемая на основе норм уголовно-процессуального законодательства судом, содержанием которой является нахождение подозреваемого или обвиняемого в полной или частичной изоляции от общества в жилом помещении или строении, используемом для постоянного или временного проживания, в том числе, специально нанятом или предоставленном третьей стороной, с возложением установленных законом запретов, ограничивающих конституционные права и свободы, и осуществлением соответствующего контроля, в целях исключения сокрытия от органа дознания, предварительного следствия и суда, продолжения преступной деятельности, уничтожения доказательств, предотвращения угроз участникам уголовного судопроизводства,

воспрепятствования производству по уголовному делу иным образом, а также для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица» [9, с. 51].

Авторы указывают, что современное законодательство регламентирует домашний арест в качестве наиболее суровой меры, следующей после заключения под стражу. В то же время, именовать эту меру пресечения «арестом» как таковым, возможно весьма условно, так как она служит видом особой, «мягкой» изоляции, которая не умаляет многих прав человека, имеющих естественную природу [37, с. 266].

Характерные черты домашнего ареста, которые можно вывести из первой части ст. 107 УПК РФ, связаны с рядом факторов. Так, обвиняемый и подозреваемый выступают в качестве субъектов уголовного судопроизводства, кому возможно назначение соответствующей меры, таким образом, их статус при выборе домашнего ареста является установленным, что отражается на периоде применения данной меры (в отношении подозреваемого этот период меньше, чем в отношении обвиняемого). Практика позволяет сделать вывод о том, что к субъектам с непогашенной судимостью за тяжкие деяния, если они впоследствии допустили деяние средней либо даже небольшой тяжести, применение домашнего ареста нецелесообразно.

В целях применения в отношении лица домашнего ареста требуется существование ряда условий, иначе говоря, комплекса реальных и уголовно-процессуальных обстоятельств, обуславливающих выбор этой меры пресечения, а также правомерность этого выбора [32, с. 8]. Отмеченными обстоятельствами обуславливается то, что к конкретному подозреваемому нецелесообразно применять более мягкую меру, в частности, личное поручительство, подписку о невыезде и другие, но одновременно, нет потребности применения и более жесткой меры - заключения под стражу. Применение такой меры пресечения, как залог, может оказаться невозможным по причине отсутствия у подозреваемого денег либо иного имущества.

Природа рассматриваемой меры пресечения во многом вытекает из составляющих ее ограничений, в правовом и логическом смысле которые связаны с назначением уголовного процесса. В соответствии со ст. 6 УПК РФ, последнее помимо прочего, состоит в предотвращении неправомерного ограничения основных прав личности.

Домашний арест состоит в осуществлении мер процессуального принуждения, установленных нормами права и нацеленных на недопущение действий обвиняемого (подозреваемого), способных вызвать конкретные отрицательные практические последствия (новые криминальные акты, укрывательство от суда и следствия, давление на лиц, участвующих в деле и другие).

Как таковое принуждение в этом случае очерчивается рядом параметров:

- главной причиной использования является факт уголовного преследования субъекта, к кому применяется домашний арест;
- главная задача состоит в достижении назначения уголовного процесса;
- областью использования служит уголовный процесс;
- процессуальным основанием служит решение суда о применении домашнего ареста;
- охранительный и правореализационный режим состоит в установлении судом и выполнении соответствующим субъектом запретов, установленных в УПК РФ;
- процессуальное требование – использование к субъекту, имеющему уголовно-процессуальный статус подозреваемого (обвиняемого);
- не относится к мерам наказания, так как применяется к субъектам, чья вина в криминальном деянии еще не доказана (в этой связи ошибочно утверждать, что одна из целей домашнего ареста заключается в исправлении обвиняемого, искоренение девиантных форм поведения на правомерные, социально полезны);

- существование предусмотренных ст. 97 УПК РФ оснований для назначения;
- фактическое и юридическое требование – существование условий, регламентированных законом;
- форма исполнения судебного решения, посредством которого назначен домашний арест - осуществление контроля за субъектом, помещенным под домашний арест, со стороны правоохранительных органов.

Важным официальным актом, регулирующим отдельные аспекты реализации контроля за соблюдением режима домашнего ареста подозреваемым (обвиняемым), следует признать Приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 [30].

Осуществление контроля происходит путем применения комплексных мер:

- регистрация соответствующего судебного постановления в особо отведенном журнале;
- информирование подозреваемого (обвиняемого) о сути налагаемых на него ограничений и запретов (необходимо не простое перечисление, а характеристика специфики, предупреждение о мерах ответственности за несоблюдение);
- применение браслета в целях контроля за перемещением обвиняемого;
- визуальный контроль за подозреваемым (обвиняемым);
- контроль за не нарушением ограничений, и фиксация фактов нарушения (в частности, получение почтового отправления, выход в Интернет, контакт с лицами, с которыми запрещено общаться и другие).

Для эффективного контроля по поводу поведения субъекта под домашним арестом возможно проведение опроса соседей.

Безусловно, главная цель указанных мер состоит в обеспечении эффективного контроля за действиями субъекта, находящегося в условиях домашнего ареста, в недопущении иных уголовных деяний, а равно возможного воздействия на уголовный процесс и участвующих в нем лиц (в частности, возможны угрозы в адрес свидетелей или попытка их подкупа, уничтожение важных доказательств и другие).

Сведения, полученные в процессе реализации контрольных мер, допускается применить при ходатайстве в суд о продлении домашнего ареста, при разрешении вопроса о его замене иную меру пресечения.

Вынося постановление об избрании домашнего ареста, судье следует принимать во внимание факт возбуждения дела, компетенцию субъекта, заявившего ходатайство и согласившегося на его заявление, процессуальный статус субъекта, которого касается ходатайство.

Стоит отметить, что правовая природа домашнего ареста способствует выявлению частичного сходства с таким видом уголовного наказания, как ограничение свободы. Тем не менее, эти явления имеют весьма разные задачи и цели, а также порядок и условия применения. Домашнему аресту может быть подвержено лицо, чья вина с совершении уголовного деяния не подтверждена, в то время как ограничение свободы возможно исходя из судебного приговора и исключительно к лицу, имеющему статус осужденного.

Таким образом видится ошибочной позиция некоторых теоретиков-процессуалистов, считающих целесообразным унифицировать в отдельном законе нормативную регламентацию данных институтов с несовпадающей правовой природой. Функции и обязанности по реализации соответствующих мер, данные ученые предлагают предоставить Федеральной службе исполнения наказаний [3, с.13] (как уже было отмечено, домашний арест неверно рассматривать как наказание).

Нормами ст. 107 УПК РФ домашний арест, до корректировок 2011 года, был определен в качестве более мягкой альтернативы содержания под стражей, цель которой в полном исключении свободы передвижения

обвиняемого (подозреваемого). Соответственно, априори домашний арест предполагался альтернативой самой строгой мере пресечения.

Число домашних арестов было весьма несущественным до 2012 года (всего 1% от числа применяемых мер пресечения в целом), одновременно в отношении заключения под стражу показатели были значительными.

Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ было предусмотрено обновление ст. 107 УПК РФ. В ней указывалось, что «домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением ограничений и (или) запретов и осуществлением за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение» [45].

Стоит отметить, что с 2012 года количество случаев назначения домашнего ареста начало увеличиваться. В частности, если сравнивать 2007 и 2017 годы, то за десять лет использование рассматриваемой меры пресечения увеличилось в пятьдесят раз.

Посредством Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ [47] в практику внедрена новая мера, именуемая, как «запрет определенных действий», а равно внесены нормативные корректировки в отношении домашнего ареста:

- скорректировано соответствующее определение (до этого домашний арест состоял в помещении субъекта в условия частичной или полной изоляции от социума, а сегодня форма ограничения определена в качестве изоляции от социума в пределах жилого помещения);

- предусмотрен комплекс запретов, применяемых в отношении подозреваемого (обвиняемого);
- суд вправе установить в отношении субъекта ряд запретов, регламентированных в п. п. 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

По замечанию теоретиков, после принятия указанного закона рассматриваемая мера пресечения оказалась разделена на обособленные меры, регламентированные в отдельных нормах УПК РФ, при этом согласно ст. 98 УПК РФ, запрет определенных действий служит менее строгой мерой.

Нормативное нововведение обусловило сокращение случаев назначения заключения под стражу: если в 2017 году их было с 91%, то в 2020 - 90%. В то же время доля домашних арестов возросла: в 2017 году - 8%, в 2020 году – 11%. В 2023 г. «число случаев применения меры пресечения в виде заключения под стражу в период нахождения дела в судебном производстве составило 19 211, домашнего ареста - 1 579. Однако, анализ статистических данных вплоть до 2023 г., опубликованных Судебным департаментом при ВС РФ, о количестве случаев применения меры пресечения в виде заключения под стражу и меры пресечения, предусмотренной ст. 107 УПК РФ, свидетельствует о том, что домашний арест на сегодня не стал реальной альтернативой заключению под стражу» [40].

Можно заключить, что с 2018 года наступил новый период домашнего ареста, т. к. отныне он заключается в полной изоляции. В то же время, законодатель и сегодня не раскрывает в должной мере режим исследуемой меры пресечения. По нашему мнению, в увеличении практического использования домашнего ареста заставляют усомниться корректировки, внесенные в 2023 году в ст. 99 УПК РФ [46]. Думается, что предоставить условия в которых подозреваемый вел бы предпринимательскую деятельность, будет весьма непросто.

1.2 Эволюция домашнего ареста в отечественном законодательстве

Институт домашнего ареста в российском уголовном судопроизводстве прошел «несколько этапов исторического развития, которые отличаются друг от друга законодательной регламентацией, основаниями, условиями и порядком применения, сословным положением лица, подвергнутого домашнему аресту.

В специальной литературе ученые систематизировали генезис домашнего ареста, разделив его на несколько периодов» [11, с. 91]. Ю.Г. Овчинников предложил периодизацию [25, с. 27], где главным параметром разграничения служила специфика нормативной регламентации его использования:

- «I период - отсутствие домашнего ареста, обвинительно-разыскной этап (IX в. - по 1832 г.);
- II период - первоначальное закрепление домашнего ареста в Своде законов Российской империи 1832 г., 1862 г. и Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (первая половина XVIII в. до октября 1917 г.);
- III период - советский период (с октября 1917 г. до вступления в силу УПК РСФСР 1960 г.);
- IV период - период судебно-правовой реформы 1990-2001 гг. (В.А. Светочевым данный период отдельно не выделяется);
- V период - действие УПК РФ 2001 г.» [11, с. 91].

Эволюционный «анализ законодательной регламентации домашнего ареста, условий и порядка его применения позволяет выделить дополнительные критерии периодизации.

Так, в период с IX в. по первую половину XVIII в. в России домашний арест своего законодательного закрепления не находил. Вместе с тем его отдельные признаки фактически присутствовали в иных мерах принуждения.

Так, в XV-XVII вв. одной из форм принуждения являлась отдача за пристава, введенная судебниками 1497, 1550 гг., суть которой заключалась в том, что обвиняемые во время следствия и суда находились под надзором и на ответственности пристава. Применялась данная мера принуждения губными старостами и целовальниками, которые должны были не только отправлять уголовный суд, а также преследовать и карать преступников. Сидевшие за приставом фактически находились во дворе или доме пристава и зачастую сковывались колодками.

Отдача за пристава предусматривалась в следующих случаях:

- когда обвиняемый в важном или маловажном преступлении не мог предоставить себе порук;
- когда все обвиняемые в тягчайших и тяжких преступлениях приведены, или пойманы с поличным, или названы в обыске лихими людьми;
- всех тех, на которых воры и разбойники укажут во время пытки как на своих товарищей.

Судопроизводство в тот период не разделялось на гражданское и уголовное, а правом применять меры принуждения наделались губные старосты и целовальники, которые должны были не только отправлять уголовный суд, а также преследовать и карать преступников.

Следовательно, фактически выделяется первый неcodифицированный этап применения меры принуждения, обладающей признаками домашнего ареста, выражающимися в существенном ограничении личной свободы с сохранением права проживать в жилище, в котором обвиняемый (подозреваемый) находится на законных основаниях, и осуществлении за ним контроля» [11, с. 92].

К дальнейшему «этапу становления домашнего ареста можно отнести период действия Воинских артикулов 1716 г.

Признаки домашнего ареста были известны Воинским артикулам 1716 г. как наказания, применявшегося к старшим офицерам по решению военного

суда (кригсрехта), подразделявшегося на генеральный и полковой. И тот, и другой решали дела по существу и отличались по компетенции в зависимости от характера дела и должностного уровня стороны в процессе.

К младшим офицерами в качестве наказания за преступления против чести применялся арест у профоса (полицейский служитель, уполномоченный исполнять решения суда) с содержанием под нечестным (позорным) караулом. Исполнение наказания в виде домашнего ареста и содержания под караулом осуществлялось по месту службы военнослужащих.

Именно в Воинских артикулах 1716 г. домашний арест впервые получил свое официальное закрепление в качестве меры уголовно-процессуального принуждения к отдельной взятой категории – военнослужащим» [11, с. 92].

Свое официальное закрепление домашний арест в качестве меры пресечения впервые получил в Своде законов Российской империи 1832 года [34]. Он являлся привилегированной мерой принуждения, применяемой судами на основе принципа сословности к дворянам, чиновникам, офицерам и несовершеннолетним. Местом исполнения домашнего ареста являлось собственное место жительства, а также нанятое частное помещение.

С этого времени он служил второй из наиболее суровых мер пресечения, и назначался в отношении субъектов, допустивших посягательства «менее важные, за которые они подлежали бы заключению в крепости, в смиренных домах или тюрьме» [7, с. 307]. Таким образом, «приоритетным основанием применения домашнего ареста являлся вид преступления и строгость назначаемого за него наказания, условием - принадлежность к определенному сословию.

Уголовное расследование в рассматриваемый период осуществлялось следственными приставами, входившими в структуру полицейских управлений.

Исполнение домашнего ареста обеспечивалось круглосуточным нахождением в доме подсудимого содержащегося за его счет полицейского

служащего или жандарма. Иных способов обеспечения исполнения домашнего ареста в период действия Свода законов не существовало.

Соответственно, законодателем на данном этапе вводятся следующие признаки домашнего ареста. Во-первых, он применяется к лицам, находящимся под следствием, до вступления в силу приговора суда. Во-вторых, предусматривается существенное ограничение личной свободы с сохранением права проживать в своем жилище. В-третьих, обеспечивается круглосуточным контролем жандармов. В-четвертых, является привилегированной мерой пресечения, учитывает сословную принадлежность. В-пятых, применение домашнего ареста взаимосвязано с видом преступления и строгостью предусмотренного за него наказания» [11, с. 93].

«С принятием Устава уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. (далее – УУС) на смену инквизиционному (розыскному) процессу, где приоритет отдавался взятию под стражу, пришел процесс с элементами состязательности, предусматривался судебный порядок избрания мер пресечения, которые подверглись существенным изменениям. При этом правом осуществления уголовного преследования на досудебной стадии наделялся судебный следователь. В УУС предусматривалось шесть мер пресечения (ст. ст. 77, 415-419), среди которых - отдача под особый надзор полиции, отдача на поруки, залог и домашний арест.

Подследственный находился под домашним арестом до представления поручительства или залога, основания, условия и порядок применения домашнего ареста четкой законодательной регламентации не находили. Как справедливо отмечено исследователями, домашний арест фактически имел много схожих черт с такими мерами пресечения, как отдача под особый надзор полиции и отдача на поруки. В УУС отсутствовало правовое разграничение порядка и условий применения указанных мер пресечения [25, с. 30]. В связи с тем, что домашний арест в УУС не получил четкого правового регулирования, его исполнение было организовано различными способами.

Некоторые правоприменители ограничивались отобранием от обвиняемого подписки о невыезде из занимаемого помещения» [11, с. 93]. Также были случаи приставления стражи и запрета покидать пределы места проживания.

Например, вполне обоснованно указывалось, что домашний арест большого распространения на практике не обрел, так как имелись существенные проблемы в его реализации.

В свою очередь П.И. Люблинский отмечал, что «следует заметить, что на практике эта мера совершенно упразднена. В 1898 году установлено только 2 случая применения этой меры пресечения, в 1889 - ни одного» [21, с. 373].

Вполне возможно, что «причинами столь незначительной практики применения домашнего ареста в анализируемый период явились: отсутствие четкого законодательного определения сущности домашнего ареста и условий его применения, законодательного разграничения домашнего ареста и другой меры пресечения - отдачи под особый надзор полиции, единой практики применения; неопределенность в вопросах финансирования исполнения домашнего ареста.

В таком виде система мер пресечения просуществовала до принятия УПК РСФСР 1922 г., который (ст. ст. 146-164 УПК РСФСР 1922 г.) установил шесть мер пресечения, в том числе - домашний арест, вошедший в дальнейшем в систему мер пресечения, установленных УПК РСФСР 1923 г.» [11, с. 93].

Рассматривая эволюцию домашнего ареста, требуется обособить постреволюционный период (1918-1922 гг.). В то время использовать меры пресечения помимо судов были вправе, революционные трибуналы и органы Всероссийской чрезвычайной комиссии [26, с. 87].

Так, в период «Февральской революции исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов 3 марта 1917 г. принимает постановление об аресте «династии Романовых», 9 марта 1917 г. Николай II прибывает в Царское Село, где фактически заключается под домашний арест вместе с семьей.

Вместе с тем приведенный пример для данного периода является нетипичным, его можно отнести к исключению.

В соответствии со ст. 149 УПК РСФСР 1922 г., ст. 146 УПК РСФСР 1923 г. домашний арест применялся на основании мотивированного постановления следователя. При этом вводится новый субъект уголовно-процессуальной деятельности - прокурор, наделенный полномочием вносить предложения следователю об избрании меры пресечения. В случае возникновения разногласий окончательное решение принималось судом.

В уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР впервые формулируется определение домашнего ареста как меры пресечения. В соответствии со ст. 160 УПК РСФСР 1922 г., ст. 157 УПК РСФСР 1923 г. домашний арест заключался в лишении обвиняемого свободы в виде изоляции его на дому с назначением стражи или без таковой, то есть предполагалось две степени строгости домашнего ареста - с назначением стражи и без таковой» [11, с. 94].

В рамках доктрины существуют дискуссии относительно использования домашнего ареста после принятия УПК РСФСР 1922 г. [50, с. 45].

Можно согласиться с авторами, что «в связи с отсутствием дальнейшего распространения практики применения домашнего ареста, а также особенностями нового политического режима, навязывавшего избирать самую суровую меру пресечения - заключение под стражу, домашний арест оставили за пределами арсенала органов, ведущих уголовный процесс. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 25 декабря 1958 г., а затем и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. исключили из числа мер пресечения домашний арест.

В период действия УПК РСФСР 1960 г. встречались единичные случаи применения принудительной изоляции по месту жительства в отношении неудобных режиму граждан, что также является исключением. Например, академик А.Д. Сахаров фактически был помещен под домашний арест в 1980 г. и освобожден в 1987 г.

В рассматриваемый период учеными велись дискуссии относительно места домашнего ареста в системе мер пресечения. За включение домашнего ареста в 1978 году высказывался О. Хоммадов, И.Л. Петрухин и В.А. Михайлов» [11, с. 94].

Стоит отметить, что был выработан целый ряд проектов УПК РФ.

Например, согласно проекту «Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, принятому Государственной Думой Российской Федерации в I чтении 6 июня 1997 г., домашний арест применяется к подозреваемому, обвиняемому по решению суда в порядке, при наличии условий, позволяющих избрать меру пресечения в виде заключения под стражу, но когда полная изоляция лица не вызывается необходимостью или нецелесообразна с учетом возраста, состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств.

Таким образом, нельзя согласиться, что период с 1960 по 2002 г. обособился в связи с тем, что УПК РСФСР 1960 г., действовавший до 1 июля 2002 г. не предусматривал домашний арест в качестве меры пресечения.

Ведение в систему мер пресечения домашнего ареста (УПК РФ 2001 г.) обусловлено взятым государством курсом на гуманизацию уголовной политики.

Впервые в Российской Федерации домашний арест стал применяться только в 2004 г. (838 случаев избрания данной меры пресечения). Этот показатель незначительно снизился в 2005 г. (518), в 2006 г. - возрос (829 случаев):

Взятый в 2008 году Россией курс на диверсификацию системы мер пресечения обусловил необходимость более масштабного применения домашнего ареста как альтернативы предварительному заключению.

Сформулированная в 2009 году доктрина либерализации уголовного закона коснулась в значительной степени экономических отношений, предпринимательской деятельности, оказала влияние на динамику применения избираемых судом мер пресечения» [11, с. 94].

Нормами ст. 107 УПК РФ домашний арест, до корректировок 2011 года, был определен в качестве более мягкой альтернативы содержания под стражей, цель которой в полном исключении свободы передвижения обвиняемого (подозреваемого). Соответственно, априори домашний арест предполагался альтернативой самой строгой мере пресечения.

Однако, анализ статистических данных вплоть до 2023 г., опубликованных Судебным департаментом при ВС РФ, о количестве случаев применения меры пресечения в виде заключения под стражу и меры пресечения, предусмотренной ст. 107 УПК РФ, свидетельствует о том, что домашний арест на сегодня не стал реальной альтернативой заключению под стражу [40].

Таким образом, в отмеченную в начале данного параграфа периодизацию целесообразно включить нынешний этап, который начался с корректировок УПК РФ, выполненных посредством Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ, в связи с которыми рассматриваемую меру следует понимать в качестве полной изоляции лица от социума.

Вместе с этим, «проведенный анализ позволяет определить дополнительные критерии выделения периодов становления и развития домашнего ареста как меры уголовно-процессуального принуждения.

Во-первых, значимым элементом правового регулирования является субъект, правомочный налагать ограничения, составляющие сущность домашнего ареста. По данному критерию выделяются шесть периодов применения домашнего ареста:

- досудебный период (XV-XVII вв.), когда правом принимать решения об ограничении личной свободы наделялись губные старосты (действует административный порядок применения домашнего ареста, роль государства минимальна, отсутствует разделение судопроизводства на гражданское и уголовное;
- период применения домашнего ареста военными судами в отношении военнослужащих 1716-1832 гг.;

- судебный порядок применения (с 1832 по 1864 г.);
- следственный порядок применения (с 1922 г. по 1960 г), когда домашний арест избирался на основании постановления следователя с учетом позиции прокурора (судебный порядок применялся только при наличии разногласий органов следствия и прокуратуры);
- отсутствие законодательного закрепления порядка применения домашнего ареста (с 1960 по 2001 г.);
- судебно-состязательный порядок применения (с 2001 г. по настоящее время) – домашний арест применяется только судом, предусматривается согласование решения об избрании домашнего ареста с прокурором, а также участие защитника» [11, с. 96].

Также в качестве основания периодизации стоит рассмотреть статус субъекта, к которому можно применить домашний арест. Иначе говоря, сословный критерий, исходя из чего выделяются следующие периоды:

- «период отсутствия сословных ограничений (XV-XVII вв.);
- период применения домашнего ареста только к военнослужащим (1716-1832 гг.);
- период применения домашнего ареста к лицам, относящимся к привилегированным сословиям (1832-1864 гг.);
- период исключения сословных ограничений (1864-1917 гг.);
- советский период (1917-1960 гг.), когда законодательно домашний арест предусматривался, вместе с тем широкого применения не находил в связи с новой идеологией, отвергающей классовое неравенство;
- период действия УПК РФ 2001 г. - отсутствие сословных ограничений» [11, с. 96].

Таким образом, рассмотренные основания разграничения этапов становления домашнего ареста, способствуют проведению анализа его сущности и с аспекта нормативного закрепления, и исходя из статуса субъекта на этапе предварительного расследования, а также наиболее полноценно

исследовать порядок и основания использования домашнего ареста, гарантии прав субъектов, к которым применима данная мера пресечения.

1.3 Основания применения домашнего ареста

В ст. 97 УПК РФ установлено, что «дознатель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать одну из мер пресечения, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

- скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

В случаях, предусмотренных УПК РФ, при избрании меры пресечения в виде залога суд вправе возложить на подозреваемого или обвиняемого обязанность по соблюдению одного или нескольких запретов, предусмотренных частью шестой статьи 105.1 УПК РФ, а при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста одного или нескольких запретов, предусмотренных пунктами 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Мера пресечения может избираться также для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном статьей 466 УПК РФ.

В случае продолжения производства по уголовному делу, по которому истекли сроки давности уголовного преследования, меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого применяться не могут, за исключением случаев, если лицо подозревается или обвиняется в совершении преступления, наказуемого смертной казнью или пожизненным лишением свободы» [42].

Исследование норм УПК РФ позволяет прийти к выводу, что права и свободы в большей степени ограничены в связи с применением следующих мер пресечения:

- заключение под стражу;
- домашний арест;
- залог;
- запрет определенных действий.

В этой связи для них установлен судебный порядок назначения в случае существования необходимых оснований.

В то же время в доктрине основания применения мер пресечения зачастую приравниваются к условиям их избрания, а это ведет к некоторым практическим проблемам.

Весьма нередко возникают ситуации, когда следователи тщательно не производят сбор и исследование доказательств, которые могут послужить основаниями для выбора определенной меры уголовно-процессуального принуждения.

Так, «9 февраля 2021 г. следователь СО МО МВД России по Амурской области обратилась в Благовещенский городской суд с ходатайством об изменении меры пресечения обвиняемому М. с заключения под стражу на домашний арест, которое судом удовлетворено. Впоследствии обвиняемый совершил более тяжкое преступление.

В другом постановлении следователя от 25 декабря 2020 г. о возбуждении перед Октябрьским районным судом г. Белгорода ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении П., обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, предположение о том, что обвиняемая может скрыться от предварительного следствия, основано лишь на строгости санкции статьи УК РФ; предположение о том, что П. может продолжить заниматься преступной деятельностью, аргументировано наличием прямого умысла на совершение преступления;

предположение о возможной утрате доказательств построено лишь на том, что не установлены все соучастники преступления.

В ходе предварительного следствия конкретных доказательств, подтверждающих указанные предположения, не получено. 25 декабря 2020 г. судом, с учетом положений ст. 97, 99 УПК РФ, отказано в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и избран домашний арест, который 12 января 2021 г. П. нарушила. 18 января 2021 г. в отношении нее заочно избрана мера пресечения в виде заключения под стражу» [10, с. 58].

Также актуален вопрос разграничения оснований и условий. Полагаем, что несмотря на тот факт, что им присуща связь, эти категории не тождественны друг другу. В частности, основания способствуют вынесению решения о выборе домашнего ареста, а условия принимают во внимание обстоятельства, обуславливающие определенный выбор.

Исследование ст. 97 УПК РФ свидетельствует о том, что основания применения:

- подлежат выявлению с вероятностью;
- для всех мер общие;
- их необходимо обосновать соответствующими доказательствами.

В теории отмечается, что «под основаниями избрания меры пресечения судом следует понимать имеющиеся в уголовном деле доказательства, которые свидетельствуют о том, что обвиняемый или подозреваемый может:

- скрыться от дознания, предварительного следствия или суда;
- продолжить заниматься преступной деятельностью;
- угрожать свидетелям, иным участникам уголовного судопроизводства;
- уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

В качестве оснований также выступает необходимость обеспечить приговор суда или возможную выдачу обвиняемого по запросу» [13, с. 91].

Теоретики разграничивают основания на процессуальные и материальные, при этом подчеркивая их взаимозависимость.

Общее мнение по поводу обстоятельств, входящих в круг материально-правовых, не выработано. Один из авторов указывает, что «при избрании меры пресечения присутствуют уголовно-правовые признаки, но не в качестве оснований, а в качестве необходимых условий» [19, с. 92]. Согласно позиции других представителей доктрины, «при определении материально-правовых оснований следует исходить из того, что меры пресечения и основания их избрания должны быть сгруппированы в зависимости от того, на что направлено принуждение» [43, с. 727].

Полагаем, что основания применения домашнего ареста, следует разделить на два вида:

- уголовно-правовые;
- процессуальные, сформированные на базе материальных норм и связанные с ними.

Первые из упомянутых оснований «выражаются в наличии уголовно-правовых признаков, таких как:

- установление факта совершения преступления и его квалификация;
- наличие лица, причастного к его совершению;
- достижение лицом возраста наступления уголовной ответственности (ст. 20 УК РФ);
- наличие состояния вменяемости (ст. 21 УК РФ).

Значение уголовно-правовых признаков состоит в том, что на их базе формируются процессуальные основания применения мер пресечения.

Процессуальные основания заключаются:

- в постановке лица в статус обвиняемого или подозреваемого (ч. 1 ст. 97 УПК РФ);
- наличии доказательств, подтверждающих причастность к совершению преступления;

- наличии доказательств, подтверждающих высокую вероятность наступления последствий, предусмотренных ст. 97 УПК РФ.

Особенностью процессуальных оснований является то, что они находят свое выражение в конкретных процессуальных документах и урегулированы нормами процессуального права» [10, с. 59].

Наличие у субъекта статуса обвиняемого (подозреваемого) служит процессуальным основанием, но оно в доктрине рассматривается неоднозначно. Существует две распространенные точки зрения.

Например, по мнению Ю.Г. Овчинникова «незаконное и необоснованное привлечение лица в качестве обвиняемого влечет незаконное и необоснованное применение меры пресечения» [25, с. 51].

Согласно убеждению К.В. Муравьева, «если признать обвинение (подозрение) основанием меры пресечения, произойдет смешение оснований производства различных процессуальных действий, сотрется четкая грань между привлечением лица в качестве обвиняемого и применением меры пресечения, которые, по общему правилу, хотя и следуют одно за другим, однако по своему характеру и назначению в системе уголовного судопроизводства далеко не равнозначны» [22, с. 102].

Полагаем, что признание лица обвиняемым или подозреваемым является одним из оснований домашнего ареста, поскольку это указано в ч. 1 ст. 97 УПК РФ и вызвано комплексом имеющихся доказательств, указывающих на причастность субъекта к уголовному деянию.

С.И. Вершинина указывает, что «учитывая разнообразие мер принуждения, для каждой из них перечень обстоятельств и оснований применения должен определяться отдельно» [5, с. 94], а А.В. Квык, что «перечисленные в ст. 97 УПК РФ основания не позволяют в должной мере разрешить вопрос об избрании конкретного вида меры пресечения в индивидуальной судебной ситуации» [16, с. 10].

Отсутствие дифференциации оснований применения отдельных мер пресечения, принимая во внимание уровень вероятности незаконных действий субъекта, отрицательно сказывается на правоприменительной деятельности.

Так, «определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.04.2023 г. изменена мера пресечения в виде заключения под стражу на домашний арест в отношении Дадаш И.А., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Причиной такого решения явилось неконкретное изложение оснований и условий избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в процессуальных документах следователем, а также судом первой и кассационной инстанций. Кроме того, из представленных суду материалов не было ясно, почему вероятность наступления негативных последствий при избрании других мер пресечения выше, чем при заключении под стражу. Так, единственным аргументом явилось лишь наличие оснований полагать, что Дадаш И.А. в случае изменения меры пресечения может скрыться от суда, чем воспрепятствовать производству по делу. Однако аналогичные основания можно применить и к любой другой мере пресечения» [2].

Также бывают случаи, когда отсутствуют доказательства, указывающие на стремление лица укрыться от следствия и суда, в связи с чем заключение под стражу применяться не должно. Однако, у следствия может иметься информация, что, если личную свободу подозреваемого (обвиняемого) оставить на прежнем уровне, цели уголовного процесса окажутся не достигнутыми.

Так, «03.09.2021 г. Ивнянским районным судом Белгородской области отказано в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Горлова Н.В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Судом установлено, что обвиняемый является гражданином Донецкой Народной Республики, где имеет постоянную регистрацию, и временно зарегистрирован в Ивнянском районе в доме, принадлежащем отцу его сожительницы, трудоустроен.

Мотивируя отказ в заключении под стражу, суд обратил внимание на то, что с момента совершения преступления (с февраля 2021 года) и до задержания (сентябрь 2021 года) прошло более полугода, за этот период, при наличии возможности, обвиняемый попыток скрыться не предпринимал, противоправных действий не совершал и продолжал проживать по месту временной регистрации. То есть, доказательства, дающие основания для вывода о том, что Горлов Н.В. скроется или продолжит противоправное поведение, не получены. А значит, нецелесообразно избирать меру пресечения в виде заключения под стражу. В то же время, избрание меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении повысит вероятность того, что обвиняемый скроется или воспрепятствует производству предварительного следствия, а ходатайств об избрании залога или запрета определённых действий в суд не поступало» [23].

Таким образом, для домашнего ареста необходимо закрепить отдельные основания его избрания. Имея в т. ч. общие свойства, эти основания должны указывать на то, что возможность наступления отрицательных последствий при использовании иных мер пресечения увеличится, но при этом нет необходимости помещения субъекта под стражу.

Исследуя материальные основания применения домашнего ареста, весьма важен вопрос о влиянии на него категории преступного деяния.

Как указывает ВС РФ, хотя мера наказания за реализованное посягательство важна при оценке риска уклонения лица от суда и следствия, «тяжесть совершенного преступления не может сама по себе служить основанием длительного срока содержания под стражей» [28].

Между тем, ряд правоведов убеждены, что тяжесть посягательства не должна выступать единственным основанием для избрания конкретной меры пресечения [49, с. 10].

Подобный «подход применен и в уголовно-процессуальном законодательстве стран постсоветского пространства: республик Беларусь,

Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, где вид, тяжесть преступления и размер наказания не влияют на выбор домашнего ареста.

Другие ученые считают, что мера пресечения должна быть соразмерна грозящему наказанию [20, с. 235]. Подобная взаимосвязь прослеживается в УПК Французской Республики, где запрещается избирать домашний арест в отношении обвиняемых (подозреваемых), совершивших преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок менее 2 лет (ст. 142 УПК Французской республики), в Китайской Народной Республике, где надзор по месту жительства (мера, аналогичная домашнему аресту) может быть избран только при условии возможного назначения наказания в виде общественного надзора, заключения под стражу или тюремного заключения.

В то же время в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации закреплено лишь общее требование недопустимости избрания меры пресечения в виде домашнего ареста, если санкция статьи УК РФ не предусматривает лишение свободы на определенный срок (ч. 1 ст. 108 УПК РФ)» [9, с. 84].

Нам представляется, что применение домашнего ареста необходимо обуславливать не степенью тяжести содеянного, а имеющимися фактами, указывающими, что применение в данном случае иной меры не будет способствовать достижению цели уголовного процесса.

Таким образом, посредством использования рассматриваемой меры пресечения подлежит ограничению личная свобода подозреваемого (обвиняемого). Хотя домашний арест и позволяет таким лицам, виновность которых еще должным образом не доказана, быть в надлежащих домашних условиях, но вполне очевидно, что в этом случае присутствует, во-первых, изоляция от социума, и во-вторых, действующие запреты, предусмотренные в судебном порядке. Полагаем, что анализ данных критериев соответствующей меры пресечения, существенен и для восприятия ее сущности, и для формулировки ее дефиниции.

Основания для применения всех регламентированных в УПК РФ мер пресечения – общие, и в целях использования домашнего ареста они не обособляются. Между видится бесспорным, что чем очевиднее возможность возникновения предусмотренных ст. 97 УПК РФ последствий, тем суровее меру суду необходимо назначать. Такую возможность необходимо устанавливать исходя из исследования имеющихся по делу доказательств.

Обобщая все вышесказанное, можно заключить, что для применения домашнего ареста в наличии должен быть комплекс доказательств, однозначно свидетельствующих:

- о событии и тяжести совершенного деяния;
- об общественной опасности потенциального субъекта преступления;
- о возможности негативных последствий, упомянутых в ч. 2 ст. 97 УПК РФ;
- о возможности нормального поведения субъекта без его заключения в уголовно-исполнительное учреждение;
- о нецелесообразности применения более легкой меры пресечения.

Таким образом, по результатам первой главы исследования, необходимо отметить следующее.

Местом исполнения рассматриваемой меры пресечения, применяемой в отношении подозреваемого (обвиняемого), может послужить и его место жительства, и место пребывания, включая медицинское учреждение. Представляется, что не будет идти вразрез с нормативными предписаниями в том числе предоставление подозреваемому жилого помещения третьими лицами, поскольку как свидетельствует практика, соблюдать режим домашнего ареста бывает затруднительно, когда в помещении, помимо обвиняемого, проживают и другие граждане (родственники).

Считаем возможным в ч. 1 ст. 107 УПК РФ предусмотреть норму о том, что в случае наличия оснований, в целях помещения обвиняемого (подозреваемого) под домашний арест, в качестве места его исполнения может выступать специально представленное иным субъектом жилое помещение.

С 2018 года наступил новый этап развития домашнего ареста, т. к. отныне он заключается в полной изоляции. В то же время, законодатель и сегодня не раскрывает в должной мере режим исследуемой меры пресечения. В увеличении практического использования домашнего ареста заставляют усомниться корректировки, внесенные в 2023 году в ст. 99 УПК РФ. Думается, что предоставить условия в которых подозреваемый вел бы предпринимательскую деятельность, будет весьма непросто.

Соответственно, чтобы применить к подозреваемому домашний арест, в наличии должны быть следующие основания:

- обусловленная потребность изоляции лица от социума;
- возможность нормального поведения субъекта без его заключения в уголовно-исполнительное учреждение;
- нецелесообразность применения более легкой меры принуждения.

Глава 2 Практические аспекты применения домашнего ареста как альтернативы заключения под стражу

2.1 Условия и порядок применения домашнего ареста

Как мы указывали ранее, кроме оснований необходимо учитывать условия применения домашнего ареста. В доктрине основания применения мер пресечения зачастую приравниваются к условиям их избрания, а это ведет к некоторым практическим проблемам. Нередко возникают ситуации, когда следователи тщательно не производят сбор и исследование доказательств, которые могут послужить основаниями для выбора определенной меры уголовно-процессуального пресечения.

Поскольку данные категории имеют разное назначение, необходимо дифференцировать их содержание. В среде теоретиков нет дефиниции условий применения домашнего ареста. Ряд авторов понимают их сужено, в качестве конкретных факторов либо требований по реализации конкретных действий [48, с. 149].

Ю.Г. Овчинников рассматривает условия как совокупность уголовно-процессуальных и фактических обстоятельств, позволяющих избрать конкретную меру пресечения и обеспечить законность такого избрания [25, с. 76].

Данный автор указывает, что условия следует разделять на две группы:

- «общие - учитываемые в ходе избрания любой такой меры и обеспечивающие выбор одной из них;
- специальные - необходимые для избрания конкретной меры пресечения, а также отражающие особенности ее применения в отношении определенных категорий лиц» [25, с. 76].

В качестве специальных условий применения домашнего ареста авторы рассматривают:

- «указание в санкции статьи УК РФ, что за преступление, совершенное обвиняемым, предусмотрено наказание в виде лишения свободы свыше двух лет;
- наличие у обвиняемого жилища;
- наличие компетентного органа или должностного лица, осуществляющего надзор и установление механизма надзора за поведением обвиняемого.

С специальные условия при избрании домашнего ареста устанавливаются с учетом оценки обстоятельств, изложенных в ст. 99 УПК РФ» [10, с. 60].

Исследуя нормы ст. 99 УПК РФ, упомянем позицию ВС РФ, согласно которой «жестокость наказания за совершенное преступление имеет значение при оценке риска того, что лицо скроется от правосудия, но при этом тяжесть совершенного преступления не может сама по себе служить основанием длительного срока содержания под стражей» [28].

В рамках отечественного процессуального закона «закреплено общее условие недопустимости избрания меры пресечения в виде лишения свободы, если санкция статьи УК РФ не предусматривает лишение свободы на срок свыше трех лет (ч. 1 ст. 108 УПК РФ), и домашнего ареста, если санкцией статьи УК РФ не предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

Аналогичные принципы применяются и в зарубежном законодательстве. Так, например, УПК Французской Республики запрещает избирать домашний арест в отношении обвиняемых (подозреваемых), совершивших преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок менее двух лет (ст. 1425 УПК Французской Республики)» [10, с. 60].

Это законодательная позиция видится верной, так как при расследовании вина субъекта не доказана, а, соответственно, мера пресечения не должна являться более строгой, чем вероятное наказание.

Однако, поскольку тяжесть преступления рассматривается как обстоятельство, учитываемое при избрании меры пресечения, особое значение приобретает выяснение законности и обоснованности юридической оценки преступления.

Следует отметить, что в юридической литературе ведутся дискуссии по поводу применения положений ч. 3 ст. 107 УПК РФ при избрании домашнего ареста.

В соответствии с ч. 3 ст. 107 УПК РФ домашний арест в качестве меры пресечения применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ. Согласно ч. 1 ст. 108 УПК РФ «заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет» [42].

Вместе с этим, «отсутствует единая позиция у судов различных инстанций по вопросу, распространяются ли на домашний арест условия, исключающие применение заключения под стражу в качестве меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности (предусмотренные ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ)» [10, с. 60].

Так, «постановлением от 12 марта 2020 г. Свердловского районного суда г. Белгорода отказано в удовлетворении ходатайства следователя по особо важным делам СЧ СУ УМВД России по Белгородской области об избрании в отношении обвиняемого по уголовному делу № 1190... Г. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Г. обвинялся в совершении 27 эпизодов мошенничеств (ч. 3 ст. 159 УК РФ), совершенных с использованием своего служебного положения - директора ООО Центр ЛИМБ. Г. совместно с К., находясь в офисном помещении, действуя в нарушение условий заключенного с ЗАО МАКС-М

договора от 08.02.2016 № Б-8616 и правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» [10, с. 60].

Д. имел корыстные цели и прямой умысел, был осведомлен о существовании у более двух десятков физических лиц полисов ОМС, гарантирующих предоставление бесплатной медицинской помощи, однако ввел данных граждан в заблуждение, и указал на обязательность заключения с его фирмой договора о предоставлении возмездных медицинских услуг. В итоге Д. получил от пациентов оплату, общий размер которой составлял более полу миллиона рублей.

При рассмотрении дела в первой инстанции содеянное Д. было причислено к деяниям в области предпринимательства.

В дальнейшем апелляционная инстанция особо отметила, что у ООО, согласно гражданскому законодательству, а равно в связи с действующим с «МАКС-М» соглашением, отсутствовало право на реализацию деятельности, направленную на получение доходов с вышеуказанных застрахованных лиц. Он не имел права «заключать с гражданами договоры и получать от них денежные средства, что является хищением их средств путем обмана и не может относиться к предпринимательской деятельности.

ООО Центр Лимб договоры оформлялись с физическими лицами, которые также участниками предпринимательской деятельности не являлись и в соответствии с законодательством имели право на бесплатную медицинскую помощь. Соответственно, действия Г. были направлены на хищение имущества физических лиц, взаимоотношения с которыми не могут быть отнесены к предпринимательской деятельности» [10, с. 61].

Другой пример: «в Воронежской области по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, обвиняемый П. неоднократно уклонялся от явки к следователю, 6 февраля 2021 г. по ходатайству следствия ему судом избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. 16 февраля 2021 г. данная мера пресечения изменена на домашний арест, однако в связи с допущенными П. нарушениями

установленных ему запретов и ограничений 1 апреля 2021 г. последний вновь помещен судом под стражу» [10, с. 61].

Авторы, ранее проводившие статистические исследования, указывают, что «за 2024 год, в сравнении с аналогичным периодом 2023 года количество находившихся в производстве уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 159-159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, 201 УК РФ, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, а также ст. ст. 171, 171.1, 171.3-172.3, 173.1-174.1, 176-178, 180-181, 183, 185-185.4, 190-199.4 УК РФ, сократилось на 20,2%, вместе с тем в суды направлено на 4,9% дел больше.

Соответственно возросло и количество обвиняемых. По преступлениям в сфере предпринимательской деятельности количество заявленных следователями в суды ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу возросло на 10,1%. По данным территориальных следственных органов, в суд заявлено 76 ходатайств об избрании указанной меры пресечения (2023 г. - 69), в удовлетворении 5 из них отказано судом (2023 г. - 9)» [18].

Так, «по находящемуся в производстве СУ МУ МВД России «Красноярское» Красноярского края уголовному делу, возбужденному по признакам преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ (9 эпизодов), в отношении председателя СНТ «Сад № 1 Локомотивного депо» К. была избрана мера пресечения, не связанная с лишением свободы, которую последний нарушил, скрывшись от органа следствия, в связи с чем 4 сентября 2021 г. Центральным районным судом г. Красноярска по ходатайству следователя мера пресечения К. изменена на заключение под стражу» [10, с. 61].

Как можно убедиться, рассматриваемая пресекательная мера неэффективна по ряду уголовно-наказуемых деяний. В частности, если последние сопряжены с неправомерным оборотом наркотиков и психотропных средств. На это указывают исследователи, проводившие анализ практики опрос сотрудников правоохранительных органов некоторых

субъектов РФ. Лишь шестая часть сотрудников отмечали эффективность помещения под домашний арест лиц, подозреваемых в таких криминальных актах.

Также стоит отметить, что лишь треть сотрудников следственных органов согласилась с целесообразностью использования рассматриваемой меры в отношении граждан, обвиняемых в экономических преступлениях. Полагаем, что отчасти это вызвано тем, что наукой и практикой не определено точного списка уголовно-наказуемых деяний в сфере предпринимательства и экономики.

Не вызывает сомнений тот очевидный факт, что при применении рассматриваемой уголовно-правовой меры, в качестве важного условия следует считать существование надлежащего жилья, в которое на соответствующий период возможно поместить лицо, подозреваемое (обвиняемое) в совершении преступного деяния.

Однако, даже если у гражданина имеется жилье, в котором он вправе легально проживать, вполне вероятно, что совместно с ним проживают иные лица (родственники). Недостатком представляется то, что действующее правовое регулирование умалчивает о необходимости согласования с вышеуказанными лицами возможности нахождения арестованного подозреваемого в жилом помещении. Если у данных лиц имеются веские основания для несогласия, однако они окажутся проигнорированы, последствия могут оказаться весьма негативными. Подтверждением тому является практика.

Исследователи, которые опрашивали сотрудников правоохранительных органов, отмечают, что лишь четверть следователей не считают необходимым согласовывать с лицами, проживающими в жилом помещении, возможность нахождения в нем их родственника, помещенного под домашний арест. Кроме того, из судебных актов, направленных на применение рассматриваемой меры, следует, что лишь в одном из пяти дел суд не выяснял мнение совместно

проживающих лиц. Таким образом, суды осознают необходимость получения от них соответствующего согласия.

Как следует из материалов одного из дел, гражданин Л. состоял в брачных отношениях с В., проживая в одном жилом помещении с В. и несовершеннолетним пасынком. После распития спиртных напитков Л. нанес последнему удары, которые повлекли тяжкий вред здоровью. Расследовавший данное деяние следователь, в отношении Л. избрал в качестве меры пресечения домашний арест. Таким образом, подозреваемый остался жить в квартире с сожительницей и ее сыном. Некоторое время спустя, по причине неприязненных отношений, Л. посредством порядка двух десятков ножевых ранений совершил убийство В. Вполне вероятно, что в случае исключения совместного проживания данных лиц, убийства бы не произошло.

В целях полного исключения случаев, когда такое мнение не подлежало бы выяснению, необходимо в процессуальном законе отразить требование о согласовании домашнего ареста с лицами, проживающими с обвиняемым на законных основаниях. В ч. 9 ст. 107 УПК РФ, где регламентируются требования к содержанию судебного решения, возможно закрепить данное положение.

Как следует из ч. 1 ст. 107 УПК РФ, «с учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение.

Вместе с тем медицинские критерии состояния здоровья и порядок их установления применительно к домашнему аресту законодательно не закреплены.

В то же время после принятия Федерального закона от 29.12.2010 № 4ЭЗ-ФЗ применение в качестве меры пресечения в виде заключения под стражу не допускается в отношении лиц, страдающих тяжелыми заболеваниями, препятствующими их нахождению под стражей. Правила медицинского освидетельствования и форма заключения утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 14.01.2011 № 3 «О

медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений». При этом наличие у обвиняемого (подозреваемого) такого заболевания должно быть установлено медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования.

Соответственно, правоприменитель сталкивается с проблемной ситуацией, когда по медицинским показаниям избрание меры пресечения в виде заключения под стражу исключается, а возможность применения домашнего ареста отсутствует по иным причинам» [10, с. 62].

В литературе отмечается, что важное условие назначения домашнего ареста, состоит в существовании «возможности жизнеобеспечения обвиняемого: источника дохода и физической возможности приобретения необходимых товаров и услуг. Изучением судебных постановлений установлено, что судом при избрании домашнего ареста данные вопросы фактически выясняются, однако своего законодательного закрепления они не нашли. В 93% случаев соответствующие обязательства берут на себя родственники и совместно проживающие лица. Вместе с тем остается открытым вопрос, возможно ли применение домашнего ареста в отношении лица без постоянного источника дохода. На наш взгляд, условия, связанные с жизнеобеспечением обвиняемого, должны учитываться при избрании домашнего ареста.

Анализируя условия домашнего ареста, следует обратиться к ст. 99 УПК РФ, которая закрепляет понятие «другие обстоятельства». Этими обстоятельствами могут быть рассмотренные выше условия.

Перечень обстоятельств, учитываемых при избрании домашнего ареста, не является исчерпывающим. Ими, например, помимо указанных, могут являться: обстоятельства, указанные в ст. 61, 63 УК РФ; наличие некоторых заболеваний у обвиняемого (подозреваемого), не подпадающих под медицинские критерии. Например, заболевание алкоголизмом или

наркоманией, на наш взгляд, существенно затруднит применение домашнего ареста.

Следовательно, положения ст. 99 УПК РФ, оставляющие перечень таких обстоятельств открытым, вполне оправданны» [10, с. 62].

Соответственно, в качестве условий, наличие которых обязательно для использования рассматриваемой меры, являются:

- наличие жилья, в пределах которого лицо на легальных основаниях вправе проживать;
- очевидная неэффективность использования в отношении обвиняемого менее строгой меры;
- вероятность поддержания нормального жизнеобеспечения лица в условиях ареста;
- отсутствие оснований для использования в отношении обвиняемого заключения под стражу;
- отсутствие возражений со стороны граждан, законно проживающих в жилом помещении, в котором подозреваемый будет находиться под арестом.

Кроме того, избирая домашний арест в отношении того или иного подозреваемого, следует принимать во внимание особенности его личности (психическое и физическое здоровье и т. п.).

Доктрина содержит «различные подходы к определению этапов избрания домашнего ареста, однако ни один из них не является исчерпывающим, поскольку, во-первых, не включает все элементы подготовительной деятельности уполномоченных субъектов; во-вторых, не учитывает специальные условия, необходимые для избрания домашнего ареста» [12, с. 51].

В частности, один из авторов указывает на «три этапа производства по избранию меры пресечения:

- подготовительный, на котором осуществляется подготовка материалов органом предварительного расследования и их согласование, направление материалов с ходатайством в суд;
- этап ознакомления стороны защиты с подготовленными материалами;
- судебное разбирательство» [15, с. 36].

По мнению другого исследователя, такими этапами являются:

- «вынесение постановления о возбуждении ходатайства об избрании домашнего ареста;
- решение вопроса о перечне документов, прилагаемых к ходатайству и подтверждающих его обоснованность;
- судебное заседание» [25, с. 85].

Иные авторы указывают на следующие:

- «подготовительный;
- судебный;
- этап обжалования;
- исполнение постановления об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста» [38, с. 95].

И.М. Горбатов указывает, что «процессуальный порядок избрания домашнего ареста состоит из двух основных этапов: досудебного и судебного, а завершается принятием судом первой инстанции решения об избрании домашнего ареста. Стадия апелляционного и кассационного обжалования в механизм избрания домашнего ареста не входит, поскольку обвиняемый или подозреваемый берется под домашний арест непосредственно после вынесения судом первой инстанции постановления об избрании меры пресечения, что фактически является началом его применения» [12, с. 51].

В.А. Светочев разграничивает следующие этапы:

- «обоснование необходимости избрания домашнего ареста, формулировка процессуального решения;
- согласование принятого решения и его процессуальное оформление;

- оформление полученного объема доказательств, обосновывающих необходимость избрания домашнего ареста, направление материалов в суд;
- судебное рассмотрение представленных материалов» [33, с. 57].

Говоря о порядке выбора рассматриваемой меры пресечения, стоит согласиться, что важнейшую роль играет деятельность сотрудников органов следствия. В период собирания и исследования доказательств в рамках досудебного этапа, следователь уже имеет представление о наиболее эффективной мере в каждом конкретном случае. Если говорить непосредственно о домашнем аресте, то в целях обоснованности его избрания следователю требуется в обязательном порядке учитывать особые условия его практического использования. Отмеченными обстоятельствами обуславливается то, что к конкретному подозреваемому нецелесообразно применять более мягкую меру, в частности, личное поручительство, подписку о невыезде и другие, но одновременно, нет потребности применения и более жесткой меры - заключения под стражу.

Исследовав процессуальное законодательство можно обособить ряд главных составляющих досудебного избрания меры в виде домашнего ареста:

- решение о возбуждении дела;
- собирание и оценка доказательств, свидетельствующих о существовании оснований и условий для применения;
- определение возможного места домашнего ареста;
- выяснение мнения проживающих с подозреваемым граждан;
- установление режима домашнего ареста и соответствующих ограничений;
- решение вопросов обеспечения лица под домашним арестом;
- вынесение постановления о применении домашнего ареста;
- сбор документов, которые требуется приложить к постановлению;
- совещание с прокурором и руководителем следственного органа;
- отправка ходатайства в суд.

2.2 Практика применения домашнего ареста

Рассматривая проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста, следует затронуть вопросы контроля за соблюдением возложенных на обвиняемого (подозреваемого) запретов.

Следует согласиться с мнением, что «специфика домашнего ареста заключается в том, что его эффективность, т.е. способность достигать целей мер пресечения, во многом определяется способностью контролирующего органа организовать его исполнение» [9, с. 141]. Когда эта способность отсутствует, «домашний арест превращается в подписку о невыезде» [17, с. 128].

По всей видимости, «исследование вопросов контроля следует начинать с основных элементов упомянутой функции, к которым относятся: субъекты, вступающие во взаимодействие в процессе исполнения домашнего ареста; используемые в этих целях технические средства, установленные актами Правительства РФ [29]; механизм взаимодействия контролирующих органов, органов предварительного расследования, прокурора, суда и подконтрольных лиц.

Субъектами, вступающими во взаимодействие, являются:

- обвиняемый или подозреваемый, в отношении которого избран домашний арест;
- лицо, ведущее расследование (следователь или дознаватель);
- субъекты, осуществляющие процессуальный контроль и надзор (руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, прокурор);
- суд;
- иные лица, вовлеченные в уголовное судопроизводство (совместно проживающие лица, попечители, законные представители, защитник, сотрудники медицинских организаций и другие.);
- сотрудники контролирующего органа» [9, с. 142].

Анализируя проблемы использования рассматриваемой меры принуждения, заострим внимание на вопросах правового положения и компетенции лиц. Реализующих контрольные функции.

Как следует из УПК РФ, «контроль за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов, осуществляется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных» [42].

Стоит отметить, что «в Российской Федерации легитимный правовой механизм реализации функций применения домашнего ареста на федеральном уровне не установлен. Уголовно-исполнительным кодексом РФ [41] (далее – УИК РФ) соответствующие полномочия на уголовно-исполнительную инспекцию ФСИН России не возложены, а УПК РФ перенаправляет к подзаконным нормативным правовым актам, принятым Правительством РФ или федеральными органами исполнительной власти, которые по своей сути и содержанию не могут регулировать вопросы уголовного судопроизводства.

Как следует из с ч. 1, п. 1.1 ч. 3, ч. 7 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний [44] (далее - Положение о ФСИН), задачи контроля за соблюдением домашнего ареста возложены на ФСИН России» [9, с. 143]. Аспекты реализации контроля регулируются межведомственным Приказом, устанавливающим «Порядок осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» (далее - Порядок) [30].

Однако, «следует обратить внимание, что задачи контроля за соблюдением запретов, применяемых при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога, на ФСИН России Положением не возложены.

То есть, мы наблюдаем парадокс: с одной стороны, действующим Порядком предусмотрен алгоритм действий для уголовно-исполнительной инспекции при осуществлении контроля за исполнением мер пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий или залога (если таковые применяются), с другой, – соответствующие задачи на нее легитимно не возложены, то есть, по сути, выполняются неуполномоченным лицом» [9, с. 144].

Как указывает И.М. Горбатов, «выход из сложившегося противоречия мы видим в дополнении Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации разделом IX Контроль за лицами, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, залога или запрета определенных действий, возложив на уголовно-исполнительную инспекцию и органы внутренних дел соответствующие обязанности и полномочия» [9, с. 144].

В связи с тем, что организационные и юридические вопросы реализации контроля за использованием исследуемой принудительной меры, выступают важными составляющими механизма его проведения, этим аспектам следует уделить повышенное внимание.

Согласно Порядку, «исполняя решение суда об избрании домашнего ареста, уголовно-исполнительная инспекция взаимодействует со следственными органами Следственного комитета Российской Федерации, органами дознания и органами предварительного следствия федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации, судами, медицинскими организациями государственной и муниципальной систем здравоохранения и иными органами и организациями в соответствии с их компетенцией» [30].

Однако, ни данный подзаконный акт, ни УИК РФ не предусматривает обязанности уголовно-исполнительной инспекции по реализации 24-часового постоянного контроля.

В результате на практике множество случаев, когда о нарушениях режима домашнего ареста уполномоченные субъекты узнают лишь на

следующий день, когда подозреваемый уже имел возможность скрыться от правосудия.

Например, «в Самарской области 04.01.2024 г. Куйбышевским районным судом отказано в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Скуфина Д.О., совершившего кражу ноутбука. Скуфину Д.О. избран домашний арест в комнате в общежитии, а электронный мониторинг был установлен таким образом, что даже при посещении последним мест общего пользования в этом же общежитии на пульт мониторинга поступал сигнал о нарушении. В следственный орган четырежды направлялась информация о нарушении расписания присутствия и каждый раз выяснялось, что Скуфин Д.О. находился в санитарной комнате. В итоге при поступлении очередного уведомления должной реакции не последовало, а 15.02.2024 Скуфин Д.О. по месту домашнего ареста причинил тяжкий вред здоровью Баракову Д.Н., повлекший его смерть» [9, с. 174].

Представляется, что для оптимизации практики домашнего ареста целесообразно по меньшей мере:

- в УИК РФ ввести раздел, регламентирующий порядок контроля за лицами, помещенными под домашний арест, где предоставить уголовно-исполнительной инспекции и ОВД необходимые полномочия и конкретизировать обязанности;
- выработать рекомендации по взаимодействию органов предварительного следствия и ФСИН в случаях оповещения о нарушении режима домашнего ареста.

Эффективности домашнего ареста невозможно добиться без применения новейших современных средств контроля. Применяемые в настоящее время технологии, не полностью обеспечивают нужды уголовной юстиции в России.

Так, Постановлением Правительства РФ от 18.02.2013 № 134 установлено, что при применении домашнего ареста используются три группы технических средств. К одной из них относятся средства персонального

контроля (электронный браслет, мобильное контрольное устройство, персональный трекер), к другой группе – «устройство аудиовизуального контроля - электронное устройство, предназначенное для визуальной и (или) голосовой идентификации подозреваемого или обвиняемого. Устройство аудиовизуального контроля устанавливается инспекцией в месте исполнения меры пресечения или выдается инспекцией подозреваемому или обвиняемому для ношения при нахождении вне такого места. Установка устройства аудиовизуального контроля в месте исполнения меры пресечения осуществляется при условии получения письменного согласия лиц, проживающих совместно с подозреваемым или обвиняемым в качестве собственника или нанимателя либо на иных законных основаниях» [29].

Авторы, исследовавшие отечественное и иностранное законодательство, резюмируют, что «некоторые технические протоколы, применяемые в зарубежных государствах, показали свою эффективность и могут быть интегрированы в правоприменительную практику на территории Российской Федерации. Например, в случае применения послаблений в режиме содержания под домашним арестом для контроля перемещения обвиняемого (подозреваемого) была бы уместна система GPS-мониторинга, применение орбитальных имплантов или технических алгоритмов, позволяющих контролировать режим дня» [9, с. 156].

Таким образом можно констатировать, что в нашей стране существуют также технологические проблемы, касающиеся потребности в модернизации мониторинговой системы за подозреваемыми, помещенными под домашний арест.

Авторы указывают, что «в соответствии с ч. 12 ст. 107 УПК РФ в орган дознания или орган предварительного следствия, а также в суд подконтрольное лицо доставляется транспортным средством контролирующего органа. Вместе с тем, возникают ситуации, когда обвиняемых и подозреваемых необходимо доставить в другой субъект Российской Федерации на расстояние, составляющее 800 километров и более.

В этой связи возникает вопрос: транспортное средство какого контролирующего органа необходимо использовать? Федеральное законодательство ответа на данный вопрос не дает» [9, с. 157]. В этой связи необходимо исследовать акты подзаконного уровня.

Исходя из п. 33 Порядка, «подозреваемый или обвиняемый, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, доставляется в органы дознания или следственные органы, а также в суд по адресу исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста транспортным средством Инспекции (территориального органа ФСИН России)» [30].

Тем не менее, уменьшение масштабов перевозки подозреваемых железнодорожным транспортом, создает препятствия для реализации компетентными органами функций по доставке участников уголовного производства на заседания судебных органов и процессуальные мероприятия, существенно повышает занятость сотрудников конвоиров, обуславливает излишнее расходование ресурсов.

Кроме того, не менее важна проблема транспортировки лиц, помещенных под домашний арест, в другие регионы страны.

Авторы указывают, что «в 2023 г. в подразделения уголовно-исполнительной инспекции поступило более 93 000 заявок на осуществление доставок обвиняемых (подозреваемых), из которых 3% не исполнены по различным причинам. На доставку за пределы субъекта Российской Федерации, в котором расположено место применения домашнего ареста, поступила 831 заявка, на расстояние 300-400 км - 912, на расстояние более 400 км-705, длительностью более 12 часов - 136, длительностью более суток - 107.

Как отметил начальник управления организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества ФСИН России, доставка подучетных лиц за пределы населенного пункта, в котором находится место применения меры пресечения, противоречит положениям пункта 33 Порядка, а также влечет значительные финансовые затраты на приобретение горюче-

смазочных материалов, создает дополнительные риски дорожно-транспортных происшествий с угрозой для жизни и здоровья сотрудников Инспекции и подучетных лиц.

В 2023 г. в ходе доставки в суд в результате дорожно-транспортного происшествия получили травмы обвиняемый и сотрудник УИИ УФСИН России по Республике Башкортостан. В 2019 г. при осуществлении доставки обвиняемого из Басманного суда г. Москвы к месту исполнения домашнего ареста (г. Белгород) в результате ДТП погибли два сотрудника УФСИН России по Белгородской области и обвиняемый, еще четверо получили травмы» [9, с. 159].

Безусловно, подобные происшествия не должны оставаться без внимания, и соответствующие проблемы требуют решения. В связи с этим, руководством службы исполнения был сделан ряд указаний органам расследования. Так, поскольку следователи отдают поручения, направленные на привод лиц в целях реализации следственных действий, им целесообразно исходить из расстояния между местами нахождения обвиняемого и осуществления процессуальных действий. Рекомендовано в каждом случае рассматривать вероятность реализации последних посредством видео-конференц-связи.

Напомним, что в УПК РФ уже были внесены корректировки, нацеленные на закрепление возможности реализации ряда следственных действий с применением коммуникационных технологий (дистанционным способом).

Во избежание вышеотмеченных проблем, весьма актуальны в том числе предложения по совершенствованию законодательства, направленные на введение дистанционного способа разрешения ходатайств, касающихся изменения срока рассматриваемой меры пресечения. В этом случае, в целях использования системы ГАС «Правосудие», подозреваемого будет возможно привезти в суд по месту отбывания домашнего ареста. Безусловно, эта возможность позволит сэкономить временные и финансовые затраты.

Таким образом, полагаем, что среди норм ст. 107 УПК РФ необходимо разместить положение о том, что обвиняемый, в случае разрешения ходатайства об изменении периода меры пресечения, должен присутствовать на заседании суда или же ему должна быть обеспечена возможность применения видео-конференц-связи. При этом необходимо учитывать нормы ст. 241.1 УПК РФ, закрепившие порядок ее применения.

В заключении еще раз отметим, что помещение лица под домашний арест в настоящее время сопровождается существенным кругом практических проблем. В ряде случаев они имеют как правовой характер, так и организационный. Для оптимизации практики рассматриваемой меры пресечения целесообразно по меньшей мере в уголовно-исполнительном законодательстве предусмотреть комплекс норм, регламентирующих порядок контроля за субъектами, помещенными под домашний арест. Уголовно-исполнительную инспекцию и ОВД целесообразно наделить необходимыми полномочиями, а также конкретизировать их обязанности. Помимо этого, весьма важно выработать обоснованные рекомендации, касающиеся взаимодействия сотрудников предварительного следствия и ФСИН в случаях оповещения о нарушении режима домашнего ареста.

Полагаем, что предложенные в настоящем параграфе меры по оптимизации законодательства, могут способствовать разрешению некоторых из них.

2.3 Проблемы правового регулирования применения домашнего ареста

Если рассматривать практику судебных и следственных органов, то становится очевиден тот факт, что существо и количество ограничений, вводимых правоприменителем при домашнем аресте, в каждом конкретном случае неодинаково. Можно встретить случаи абсолютной изоляции обвиняемого. Вразрез с этим, нередко наблюдаются ситуации, когда

следователь устанавливает возможность нахождения лица за пределами места проживания в определенное время. Тот или иной состав ограничений обуславливается определенными обстоятельствами дела, лежащими в фундаменте их введения и применения.

Как следует из ст. 110 УПК РФ, отменить рассматриваемую меру пресечения, помимо суда, вправе также следователь и дознаватель. При этом первому необходимо получить согласие его руководителя, а второму - согласие прокурора.

Безусловно, предоставление соответствующим органам компетенции по отмене домашнего ареста помогает избежать излишней волокиты и оптимизирует процессуальную работу, но в то же время, это говорит о необходимости повышенного внимания к реальным и юридическим основаниям для отмены таких мер.

На практике возможны ситуации, когда дознаватели и следователи сочтут возможным отменить меру пресечения исходя не из норм закона, а из желания сократить свою нагрузку и избежать заявления ходатайства, касающегося продления домашнего ареста, в суд.

Исследователи, проводившие анализ актов правоприменителей об отмене изучаемой меры пресечения, отмечают, что в подавляющем числе случаев в постановлениях не содержится информации об изменении оснований избрания домашнего ареста, регламентированных в нормах ст. 97, ст. 99 УПК РФ. Около трети сотрудников предварительного следствия отмечают, что, как правило, в основании отмены лежит несоблюдение разумных сроков судопроизводства [8, с. 73].

В частности, как следует из материалов одного из дел, И. был обвинен в вымогательстве, и следователь избрал в отношении него домашний арест. По прошествии девяти месяцев орган предварительного расследования отменил указанную меру пресечения по причине необоснованно затянувшегося следственного процесса, а также нежелания заявлять ходатайство о продлении домашнего ареста в судебный орган. Соответствующее постановление

следователя не содержало информации, касающейся изменения оснований избрания домашнего ареста. В результате отмены меры пресечения И. от следствия скрылся [8, с. 74]. Необходимо упомянуть, что в УПК РФ не предусмотрено четких норм, касающихся постановления органа предварительного расследования об отмене домашнего ареста, что на наш взгляд, является упущением. Нормативная регламентация правил, применяемых к форме таких постановлений, на наш взгляд, обеспечит наиболее обдуманый подход к их вынесению. Как вариант, в ст. 110 УПК РФ можно предусмотреть новую норму, в рамках которой закрепить положение о том, что в акте, направленном на отмену пресекательной меры, необходимо указывать точные данные, свидетельствующие о прекращении обстоятельств, выступавших поводом для ее использования, либо о появлении новых обстоятельств, обуславливающих невозможность ее дальнейшего использования.

В качестве оснований для отмены меры пресечения можно указать следующие:

- изменение факторов, лежавших в основании избрания;
- отсутствие потребности в дальнейшем использовании;
- неправомерное использование, несоблюдение регламентированного порядка ее выбора;
- завершение предварительного следствия либо завершение срока ее действия;
- отказ в продлении меры пресечения, вынесенный судом.

Стоит отметить, что для ряда мер пресечения установлены особые обстоятельства отмены. В частности, заключение под стражу подлежит отмене в случае серьезной болезни, не позволяющей обвиняемому (подозреваемому) находиться под стражей и другие.

Имущественные процессуальные меры могут быть отменены, например, в случаях: смерти поручителя (залогодателя) или изменения его

материального положения; прекращения дела в связи с реабилитирующими основаниями; оправдания обвиняемого [39, с. 283].

Присмотр командования воинской части подлежит отмене если лицо утрачивает статус военнослужащего. Если обвиняемый достигает возраста 18-ти лет, в его отношении отменяется присмотр за несовершеннолетним. Если обвиняемый отказывается от применения электронного мониторинга, домашний арест, как правило, заменяется более суровой мерой пресечения.

Представляется, что некоторые важные моменты, касающиеся изменения рассматриваемой в настоящей работе меры пресечения, остались без должного нормативного регулирования. Об актуальности вопроса свидетельствуют данные ряда теоретиков.

Так, И.М. Горбатов, по итогам анализа уголовных дел указывает, что в каждом пятом из них рассматриваемая мера пресечения в процессе ее применения, подвергалась изменениям, а именно:

- «по 12 % уголовных дел он изменен на более строгую меру пресечения по причине нарушений обвиняемыми возложенных на них запретов или совершения новых преступлений;
- по 5 % уголовных дел домашний арест изменен на менее строгую меру пресечения в связи с ухудшением состояния здоровья обвиняемого, появлением иждивенцев и необходимостью трудоустройства;
- по 3 % уголовных дел изменен порядок исполнения домашнего ареста (смена места жительства, корректировка запретов и ограничений)» [8, с. 75].

В то же время во многих случаях домашнего ареста, когда происходила его замена более строгой мерой, основанием тому служило несоблюдение норм ст. 97, 99 УПК РФ при ее назначении.

Например, городской суд отказал в ходатайстве дознавателя, касающемся помещения под стражу гражданина, в отношении которого имелись все основания подозревать, что он реализовал уголовное деяние, за

которое ч. 1 ст. 222 УК РФ предусмотрена ответственность. В результате к С. был применен домашний арест. В дальнейшем последовал апелляционный акт прокурора, в котором приводились основания для отмены соответствующего решения суда, в связи с тем, что не произведено исследования личности уже судимого и помещенного под надзор С. Соответственно, имелись все основания предполагать его дальнейшую криминальную деятельность. Исходя из доводов прокурора судебное постановление было отменено апелляционным судом, и подозреваемый С. оказался помещен под стражу [8, с. 75].

В отношении применения более суровой меры взамен домашнего ареста, необходимо отметить проблемы, касающиеся большого числа субъектов, помещенных под стражу. По информации Федеральной службы исполнения наказаний год от года наблюдается стабильное увеличение количества таких субъектов. Одновременно с этим, число следственных изоляторов остается прежним.

Хотя «благодаря принятым мерам количество следственных изоляторов с превышением лимита их наполнения снизилось более чем на 52%... в 22 СИЗО восьми территориальных органов, в числе которых республики Карелия и Крым, Воронежская, Московская, Ростовская, Смоленская области, Краснодарский край и город Москва, переполнение сохраняется» [4].

«Превышение лимита арестантов в СИЗО сохраняется в Карелии и Крыму, Воронежской, Московской, Ростовской, Смоленской областях, Краснодарском крае и Москве, при этом количество изоляторов с перелимитом снизилось в 2023 году более чем вдвое» [4].

Исходя из этого ФСИН продолжает настаивать на расширении применения альтернативных мер пресечения, главным образом - домашнего ареста.

Тем не менее, «исследование практики показывает, что домашний арест по-прежнему не служит альтернативой заключению под стражу. Например, с

2018 г. по 2022 г. доля случаев домашнего ареста возросла лишь на 2 %, в то время как случаи заключения под стражу сократились с 90,4 % до 89,2 %.

То же самое наблюдалось в применении домашнего ареста на этапе судебного производства. Количество подсудимых, помещенных под стражу, с 93,5 % уменьшилось до 92,3 %, а находящихся под домашним арестом – увеличилось с 6,2 до 7,4 %. В 2023 г. число случаев применения меры пресечения в виде заключения под стражу в период нахождения дела в судебном производстве составило 19 211 (в 2024 г. - 17462), домашнего ареста - 1579 (2024 г. - 1503)» [40]. Безусловно, такой «сдвиг» является незначительным и не решает многих проблем.

Представляется, что такое положение дел свидетельствует о необходимости оптимизации порядка реализации рассматриваемой меры пресечения.

Согласно Положению о ФСИН, контроль за надлежащим выполнением домашнего ареста обязаны осуществлять соответствующие уголовно-исполнительные инспекции. Также введен в действие «Порядок осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» [30] (далее – Порядок).

В соответствии с пунктами 19, 20 Порядка, при наличии сведений, касающихся нарушения режима домашнего ареста, инспекция «в течение 2 часов с момента установления факта нарушения с использованием средств телефонной связи информирует о допущенном нарушении следователя или дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело, а в его отсутствие - руководителя следственного органа или начальника органа дознания (начальника подразделения дознания)» [30]. В течении суток после определения факта нарушения следователю подлежит направить уведомление

в письменном виде. Однако, стоит отметить, что во многих субъектах РФ непрерывное слежение за соответствующими техническими средствами практически отсутствует.

В частности, К. было предъявлено обвинение в преступлении, наказуемого по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Один из городских судов Курганской области применил в отношении него домашний арест. На К. были надеты технические контрольные средства - электронные браслеты. Между тем, спустя некоторое время от контроля инспекции К. смог скрыться. На пульте мониторинга отразилось время повреждения браслета, и оно было нерабочим, то есть контроль за ним никто не производил. Соответствующее уведомление следователя было сделано только на следующие сутки.

Аналогичная ситуация наблюдалась в Архангельской области, что обусловило необходимость проведения координационного совета руководителей региональных органов правопорядка в мае 2023 г. По его результатам вынесено решение о необходимости урегулирования проблемы непрерывного наблюдения за подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых применен домашний арест [6, с. 103].

Очевидно, что данная проблема вызвана нормативными и организационными недостатками.

УПК РФ не наделяет следователей и дознавателей компетенцией делать поручения уголовно-исполнительным инспекциям, касающиеся ведения непрерывного отслеживания нахождения обвиняемых в соответствующих местах домашнего ареста, выполнения ими ограничений и запретов, а равно о не прекращении мониторинга в случае направления прокурору дела в целях обвинительных актов, заключений, постановлений.

Четкая нормативная регламентация также не предусмотрена в отношении межведомственного сотрудничества при нарушении домашнего ареста.

Н.А. Андроник, например, говорит о необходимости предоставления служащим инспекции правомочий, касающихся реализации ночных проверок

[1, с. 13], а Д.И. Есипов о потребности разработки отдельного федерального закона, касающегося применения домашнего ареста, и наделяющего специальные подразделения ОВД функциями по мониторингу надлежащего исполнения домашнего ареста [14, с. 69].

Между тем в последние годы в ОВД наблюдается дефицит кадров, в связи с чем предложенные меры весьма сомнительны. По нашему мнению, необходимо в первую очередь сформировать эффективный механизм сотрудничества инспекций и предварительного расследования. В этих целях потребуются изменения в ст. 38, 41 УПК РФ, а также в ведомственных актах, а именно:

- в ч. 2 ст. 38 УПК РФ предусмотреть п. 4.2, в котором указать, что следователь уполномочен давать письменные поручения территориальному органу, реализующему контроль за соблюдением режима домашнего ареста, касающиеся круглосуточного мониторинга за отдельным подозреваемым (обвиняемым);
- в ч. 3 ст. 41 УПК РФ предусмотреть п. 1.1 аналогичного содержания;
- ввести в действие инструкцию, упорядочивающую взаимодействие ФСИН и органов следствия в случаях поступления сигнала о несоблюдении режима домашнего ареста;
- п. 20 Порядка ввести правила о непрерывном дежурстве служащего инспекции для возможности надлежащего реагирования на сигналы о несоблюдении режима домашнего ареста.

Кроме того, важной проблемой, которая нуждается в разрешении, следует признать изменение условий использования рассматриваемой меры пресечения. Такая проблема может появиться, в частности, в случае болезни обвиняемого, изменения семейного статуса, потребности смены жилья и тому подобное.

Очевидно, что все запреты и ограничения, установленные судом и связанные с режимом домашнего ареста, необходимо соблюдать. Но законодательство не регламентирует порядок действия следователя или

дознателя, если в период исполнения домашнего ареста подозреваемому потребуется переселиться в иное жилое помещение. В этом случае, правоприменитель оказывается в ситуации, когда постановление о соответствующей мере пресечения уже вынесено, суд по всем правилам обозначил определенное помещение, пределы которого подозреваемый не должен покидать, а в законе не предусмотрено оснований для повторного заявления ходатайства об избрании домашнего ареста. В итоге можно констатировать, что, изменив место проживания, подозреваемый нарушит установленные в отношении него запреты и ограничения.

Если обратиться к практике, то нетрудно убедиться, что единой позиции правоприменителя по этой проблеме не выработано.

В частности, в некоторых случаях, следственный орган наделялся компетенцией по допуску подозреваемого к изменению места проживания, при этом режим домашнего ареста корректировке не подвергался.

Так, одним из районных судов в 2022 г. к Ш. применен домашний арест, поскольку он обвинялся в посягательстве, ответственность за которое установлена ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Суд в соответствующем постановлении указал, что Ш., без согласования со следователем, не имеет права переезжать на другое место жительства [8, с. 79].

По другому делу, М. предъявлено обвинение в посягательстве, ответственность за которое установлена ч. 2 ст. 159.5, ч. 2 ст. 159.5, ч. 3 ст. 30 УК РФ. Летом 2022 г. судом было вынесено постановление об избрании домашнего ареста, где были предусмотрены аналогичные правила для смены жилья [8, с. 79].

Однако, изучая материалы других дел можно обнаружить, что зачастую дознаватель или следователь в таких ситуациях отменяют домашний арест и еще раз заявляют ходатайство об избрании соответствующей меры пресечения, с указанием новых координат. Кроме того, есть случаи, когда орган предварительного расследования ничего не предпринимает до

завершения срока действующей меры пресечения, и обозначает иное место проживания обвиняемого только в рамках ходатайства о ее продлении.

Так, один из столичных районных судов счел необходимым применить домашний арест к З., который обвинялся в посягательстве, ответственность за которое установлена п. п. «а», «б» ч. 2 ст. 172, ч. 2 ст. 187 УК РФ. В частности, З. были запрещены следующие действия:

- переезжать без согласия следователя на иное место жительства;
- выходить за пределы квартиры, находящейся Ленинском проспекте, за исключением случаев, когда от следователя имеется на это письменное согласие;
- контактировать с лицами, принимающими в деле участие;
- быть получателем и отправителем почтово-телеграфных отправлений;
- обсуждать в любой форме (в т. ч. с применением коммуникационных сетей) с кем-либо любые обстоятельства по уголовному делу.

Спустя некоторое время у З. появилась потребность в смене места проживания, так как собственник жилья на Ленинском проспекте решил продавать квартиру. Поскольку действующее законодательство не регламентирует процесс по изменению места исполнения домашнего ареста, следователь счел целесообразным действовать следующим образом: по завершению срока действующей меры он заявил ходатайство о продлении домашнего ареста и изменения его места исполнения. Судья, по итогам рассмотрения ходатайства, решил:

- изменить место исполнения соответствующей меры пресечения;
- увеличить на 30 дней период домашнего ареста;
- всю совокупность назначенных ранее ограничений и запретов, сохранить [8, с. 79].

Таким образом, затронутая нами проблема является для практики достаточно актуальной. Если рассматривать практику судебных и следственных органов, то становится очевиден тот факт, что существо и

количество ограничений, вводимых правоприменителем при домашнем аресте, в каждом конкретном случае неодинаково. Можно встретить случаи абсолютной изоляции обвиняемого. Вразрез с этим, нередко наблюдаются ситуации, когда следователь устанавливает возможность нахождения лица за пределами места проживания в определенное время. Тот или иной состав ограничений обуславливается определенными обстоятельствами дела, лежащими в фундаменте их введения и применения.

Представляется, что дознавателю (с согласия прокурора) и следователю (с согласия его руководителя), необходимо предоставить компетенцию по вынесению решения, касающегося изменения места применения рассматриваемой меры пресечения. Это будет способствовать выработке единообразной практики по данному вопросу, и повысит эффективность уголовного судопроизводства. Законодательство не регламентирует порядок действия следователя или дознавателя, если в период исполнения домашнего ареста подозреваемому потребуется переселиться в иное жилое помещение. Вышесказанное можно осуществить, введя п. 2 в ч. 11 ст. 107 УПК РФ.

Таким образом, по итогам второй главы исследования, хотелось бы отметить следующее.

Говоря о порядке выбора рассматриваемой меры пресечения, стоит согласиться, что важнейшую роль играет деятельность сотрудников органов следствия. В период собирания и исследования доказательств в рамках досудебного этапа, следователь уже имеет представление о наиболее эффективной мере в каждом конкретном случае. Если говорить непосредственно о домашнем аресте, то в целях обоснованности его избрания следователю требуется в обязательном порядке учитывать особые условия его практического использования. Отмеченными обстоятельствами обуславливается то, что к конкретному подозреваемому нецелесообразно применять более мягкую меру.

В качестве условий, наличие которых обязательно для использования рассматриваемой меры, являются: наличие жилья, в пределах которого лицо

на легальных основаниях вправе проживать; очевидная неэффективность использования в отношении обвиняемого менее строгой меры; вероятность поддержания нормального жизнеобеспечения лица в условиях ареста; отсутствие оснований для использования в отношении обвиняемого заключения под стражу; отсутствие возражений со стороны граждан, законно проживающих в жилом помещении, в котором подозреваемый будет находиться под арестом. Кроме того, избирая домашний арест в отношении того или иного подозреваемого, следует принимать во внимание особенности его личности (психическое и физическое здоровье и т. п.).

Как мы смогли установить, на практике возникает немало проблем в связи с применением домашнего ареста. Полагаем, что предложения, вынесенные по итогам исследования, могли бы упростить порядок применения домашнего ареста, а также повысить его эффективность.

Заключение

Посредством использования домашнего ареста подлежит ограничению личная свобода подозреваемого (обвиняемого). Хотя домашний арест и позволяет таким лицам, виновность которых еще должным образом не доказана, быть в надлежащих домашних условиях, но вполне очевидно, что в этом случае присутствует, во-первых, изоляция от социума, и во-вторых, действующие запреты, предусмотренные в судебном порядке. С 2018 года наступил новый этап развития домашнего ареста, т. к. отныне он заключается в полной изоляции. В то же время, законодатель и сегодня не раскрывает в должной мере режим исследуемой меры пресечения. В увеличении практического использования домашнего ареста заставляют усомниться корректировки, внесенные в 2023 году в ст. 99 УПК РФ. Думается, что предоставить условия в которых подозреваемый вел бы предпринимательскую деятельность, будет весьма непросто.

Представляется, что применение домашнего ареста необходимо обуславливать не степенью тяжести содеянного, а имеющимися фактами, указывающими, что применение в данном случае иной меры, не будет способствовать достижению цели уголовного процесса. Основания для применения всех регламентированных в УПК РФ мер пресечения – общие, и в целях использования домашнего ареста они не обособляются. Для применения домашнего ареста в наличии должен быть комплекс доказательств, однозначно свидетельствующих: о событии и тяжести совершенного деяния; об общественной опасности потенциального субъекта преступления; о возможности негативных последствий, упомянутых в ч. 2 ст. 97 УПК РФ; о возможности нормального поведения субъекта без его заключения в уголовно-исполнительное учреждение; о нецелесообразности применения более легкой меры пресечения.

Кроме оснований необходимо учитывать условия применения домашнего ареста. В доктрине основания применения мер пресечения

зачастую приравниваются к условиям их избрания, а это ведет к некоторым практическим проблемам. Нередко возникают ситуации, когда следователи тщательно не производят сбор и исследование доказательств, которые могут послужить основаниями для выбора определенной меры уголовно-процессуального пресечения. В качестве условий использования рассматриваемой меры пресечения следует понимать комплекс факторов, обуславливающих ее применение, которые связаны с основаниями использования данной меры, а именно: наличие жилья, в пределах которого лицо на легальных основаниях вправе проживать; очевидная неэффективность использования в отношении обвиняемого менее строгой меры; вероятность поддержания нормального жизнеобеспечения лица в условиях ареста; отсутствие оснований для использования в отношении обвиняемого заключения под стражу; отсутствие возражений со стороны граждан, законно проживающих в жилом помещении, в котором подозреваемый будет находиться под арестом. Кроме того, избирая домашний арест в отношении того или иного подозреваемого, следует принимать во внимание особенности его личности (психическое и физическое здоровье и тому подобное).

По нашему мнению, важным условием применения домашнего ареста, служит существование у подозреваемого необходимого жилья. Однако, УПК РФ не указывает на необходимость согласия лиц, проживающих с подозреваемым в одном жилом помещении, на такое проживание во время его нахождения под домашним арестом. Полагаем, что это весьма ущемляет права и интересы таких лиц, и может сопровождаться негативными последствиями.

Необходимо нормативно установить потребность согласия граждан, проживающих с находящимся под домашним арестом подозреваемым, как условие использования данной меры пресечения. В этих целях можно ввести соответствующую норму в части 1, 9 ст. 107 УПК РФ.

Для более четкой регламентации и расширения практики применения домашних арестов, в уголовно-исполнительном законодательстве необходимо

предусмотреть комплекс норм, регламентирующих порядок контроля за субъектами, помещенными под домашний арест.

На практике множество случаев, когда о нарушениях режима домашнего ареста уполномоченные субъекты узнают лишь на следующий день, когда подозреваемый уже имел возможность скрыться от правосудия.

Для решения проблем транспортировки, необходимо ввести в практику дистанционный способ разрешения ходатайств, касающихся продления домашнего ареста. В этом случае, в целях использования системы ГАС «Правосудие», подозреваемого будет возможно привезти в суд по месту отбывания домашнего ареста. Безусловно, эта возможность позволит сэкономить временные и финансовые затраты.

Среди норм ст. 107 УПК РФ необходимо разместить положение о том, что обвиняемый, в случае разрешения ходатайства об изменении периода меры пресечения, должен присутствовать на заседании суда или же ему должна быть обеспечена возможность применения видео-конференц-связи. При этом необходимо учитывать нормы ст. 241.1 УПК РФ, закрепившие порядок ее применения.

Необходимо упомянуть, что в УПК РФ не предусмотрено четких норм, касающихся постановления органа предварительного расследования об отмене домашнего ареста, что на наш взгляд, является упущением. Нормативная регламентация правил, применяемых к форме таких постановлений, на наш взгляд, обеспечит наиболее обдуманый подход к их вынесению. Как вариант, в ст. 110 УПК РФ можно предусмотреть новую норму, в рамках которой закрепить положение о том, что в акте, направленном на отмену пресекательной меры, необходимо указывать точные данные, свидетельствующие о прекращении обстоятельств, выступавших поводом для ее использования (из тех, что регламентированы ст. 97 и ст. 99 УПК РФ), либо о появлении новых обстоятельств, обуславливающих невозможность ее дальнейшего использования.

УПК РФ не наделяет следователей и дознавателей компетенцией делать поручения уголовно-исполнительным инспекциям, касающиеся ведения непрерывного отслеживания нахождения обвиняемых в соответствующих местах домашнего ареста, выполнения ими ограничений и запретов, а равно о не прекращении мониторинга в случае направления прокурору дела в целях обвинительных актов, заключений, постановлений. В этих целях потребуются изменения в ст. 38, 41 УПК РФ, а также в ведомственных актах, а именно: в ч. 2 ст. 38 УПК РФ предусмотреть п. 4.2, в котором указать, что следователь уполномочен давать письменные поручения территориальному органу, реализующему контроль за соблюдением режима домашнего ареста, касающиеся круглосуточного мониторинга за отдельным подозреваемым (обвиняемым); в ч. 3 ст. 41 УПК РФ предусмотреть п. 1.1 аналогичного содержания; ввести в действие инструкцию, упорядочивающую взаимодействие ФСИН и органов следствия в случаях поступления сигнала о несоблюдении режима домашнего ареста.

Законодательство не регламентирует порядок действия следователя или дознавателя, если в период исполнения домашнего ареста подозреваемому потребуется переселиться в иное жилое помещение.

Вышесказанное можно осуществить, введя п. 2 в ч. 11 ст. 107 УПК РФ, в рамках которого предусмотреть, что, если в период применения меры пресечения обвиняемому (подозреваемому) потребуется изменить место проживания, дознаватель (с согласия прокурора) либо следователь (с согласия своего руководителя), выносят решение о таком изменении. Кроме того, аналогичные корректировки потребуются ввести в ст. 37—40.1 УПК РФ.

Итак, помещение лица под домашний арест в настоящее время сопровождается существенным кругом практических проблем. В ряде случаев они имеют как правовой характер, так и организационный. Полагаем, что предложенные в настоящем исследовании меры по оптимизации законодательства, могут способствовать разрешению некоторых из них.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Андроник Н.А. Некоторые проблемы применения домашнего ареста и запрета определенных действий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2 (34). С. 10-14.
2. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.04.2023 № 18-АПУ23-3-К4 URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-20042023-n-18-aru23-3-k4/?ysclid=m8x4x1ifu5175179387> (дата обращения 25.03.2025).
3. Ахминова Ю.Ю. Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2017. 181 с.
4. В России более чем вдвое снизилось число переполненных СИЗО URL: <https://ria.ru/20240321/sizo-1934695722.html?ysclid=m8ufdda0f0490804222> (дата обращения 25.03.2025).
5. Вершинина С.И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения: монография. М., 2017.
6. Вестник следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Архангельской области и Ненецкому автономному округу. 2023. № 4. С. 102-103.
7. Виленский Б.В., Чистяков О.И. Российское законодательство Х-ХХ вв. Т. 8: Судебная реформа. Москва : Юридическая литература, 1991. 496 с.
8. Горбатов И.М. Актуальные вопросы исполнения, изменения и отмены домашнего ареста // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 72-80.
9. Горбатов И.М. Домашний арест как мера пресечения в досудебном производстве: дисс. ... кандид. юрид. наук: Москва, 2024. 257 с.

10. Горбатов И.М. К вопросу оснований и условий избрания меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 4. С. 57-64.

11. Горбатов И.М. О сущности и правовой природе домашнего ареста: исторический и современный аспекты // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 3. С. 90-97.

12. Горбатов И.М. Процессуальный порядок избрания домашнего ареста нуждается в совершенствовании // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 4. С. 50-59.

13. Досудебное производство в уголовном процессе: научно-практическое пособие/Я.Б. Гаврилов [и др.]. - Москва, 2017. 224 с.

14. Есипов Д.И. Проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 4 (39). С. 66-70.

15. Иванова О.Г. Уголовно-процессуальное производство по избранию судом меры пресечения: уголовно-процессуальная форма и особенности доказывания: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2019. 176 с.

16. Квык А.В. меры пресечения, избираемые по инициативе суда на стадии предварительного расследования: автореферат дис. ... к-та юрид. наук. М., 2023.

17. Колоскова С.В. Домашний арест как мера пресечения в современном уголовном судопроизводстве России: доктрина, юридическая техника и правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2014.

18. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2024 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения 25.03.2025).

19. Кутуев Э.К. Меры принуждения в уголовном процессе. Теоретические и организационно-правовые проблемы: монография. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 111 с.

20. Левченко Е.В., Сухаревский В.И. Вопросы соотношения уголовного преследования и применения мер пресечения// Сибирское юридическое обозрение. 2020. Том 17. № 2. С. 235; Замуруева Е.Ю. Общие условия применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве»: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.

21. Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. Санкт-Петербург : Типография «Сенат», 1906. 701 с.

22. Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения - особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017. 228 с.

23. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017) URL: <https://legalacts.ru/sud/obzor-praktiki-rassmotreniia-sudami-khodataistv-ob-izbranii-mery-presecheniia-v-vide-zakliucheniia-pod-strazhu-i-o-prodlenii-sroka/?ysclid=m8x4lgumo3389734757> (дата обращения 25.03.2025).

24. Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006.

25. Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: научно-методическое пособие. Москва : Юрлитинформ, 2006. 190 с.

26. Орлов А.В. Система мер пресечения в России: история становления и перспективы развития // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 1 (32). С. 85-89.

27. Поваркова Е.А. Мера пресечения в виде домашнего ареста. Сравнительная характеристика российского и международного законодательства // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в Российской Федерации. Сборник статей

международной научно-практической конференции (Самара, 1 декабря 2017 г.). Самара : Изд. «Аэтерна», 2017. С. 80-82.

28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Российская газета, № 294, 27.12.2013.

29. Постановление Правительства РФ от 18.02.2013 № 134 (ред. от 15.11.2018) // "Российская газета", № 39, 22.02.2013.

30. Приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=361740&cacheid=3543D6F5813899274257A0E200734AD1&mode=splus&rnd=FycTfA#6jjuqgUogV61QZVp> (дата обращения 25.03.2025).

31. Ратникова Н.Д. Развитие мер пресечения, применяемых к обвиняемым в совершении преступлений в Древнерусском государстве // Территория науки. 2013. № 6. С. 164-168.

32. Светочев В.А. Домашний арест как мера пресечения в законодательстве Российской Федерации: дис. канд. юрид наук. Калининград, 2009. 213 с.

33. Светочев В.А. Уголовно-процессуальный алгоритм избрания меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2 (28). С. 57-61

34. Свод законов Российской Империи. Т. XV. Санкт-Петербург : Учреждения министерств, 1892. 452 с.

35. Симагина Н.А. Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста // Мировой судья. 2021. № 5.

36. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. - М. : Советская энциклопедия, 1987. 1052 с/

37. Стенникова С.Б. Осуществление контроля за обвиняемым, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста //

Пермский период. Сборник материалов V Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов (Пермь, 14-19 мая 2018 г.). Пермь: ФКОУ ВО «Пермский институт ФСИН», 2018. С. 266-269.

38. Токарева Е.В., Хорошева В.С. Процессуальные особенности избрания меры пресечения в вид домашнего ареста в современных условиях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 2 (41). С. 95-98.

39. Тутынин И.Б. Процессуальное принуждение имущественного характера в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2023. 505 с.

40. Уголовное судопроизводство. Применение мер пресечения. 2023 г. // URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/13/s/14> (дата обращения 25.03.2025).

41. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // Российская газета, № 9, 16.01.1997.

42. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Российская газета, № 249. 22.12.2001

43. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): учебник / под ред. А.В. Ендольцевой, О.В. Химичевой, Е.Н. Клещиной. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 727 с.

44. Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 (ред. от 05.01.2024) «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» // Российская газета, № 230, 19.10.2004.

45. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, № 278, 09.12.2011.

46. Федеральный закон от 13.06.2023 № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета, № 131, 19.06.2023.

47. Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // "Российская газета", № 85, 20.04.2018.

48. Фирсов В.Г. Основания, условия и порядок избрания меры пресечения в виде домашнего ареста // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2019. № 7. С. 146-152.

49. Химичева О.В., Плоткина Ю. Б. О некоторых проблемах применения залога на досудебном производстве по уголовным делам // Российский следователь. 2008. № 11.

50. Шадрин В.С. Домашний арест: обновляемая мера пресечения // Криминалистика. 2012. № 1 (10). С. 45-51.